

КОСТРОМА
GENIUS
LOCI

Альманах

2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Костромской государственный университет

Межрегиональный научно-просветительский центр им. И. А. Дедкова

Кострома
Genius Loci

Альманах

*Рецензируемое электронное научное издание
на компакт-диске*

Выпуск 7

Кострома
КГУ
2024

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

ББК 63.3(2)632я43я04
К725

Издается по решению редакционно-издательского совета КГУ

Рецензенты:

В. В. Лукашенко, генеральный директор «Народной медиа-группы»
председатель Союза журналистов Костромской области;
Г. Ю. Волков, канд. истор. наук, доцент,
кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин
Костромской государственной сельскохозяйственной академии

К725 Кострома. Genus Loci : альманах / [сост. и отв. ред. А. В. Зайцев]. – Вып. 7. – Электронные текстовые, граф. дан. (1 МБ). – Кострома : Костромской государственной университет, 2024. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3(SP3) и выше; Adobe Acrobat reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.: клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1320-8

Содержание седьмого выпуска альманаха составили материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Диалог власти и общества: от офлайн-коммуникаций к онлайн-дискурсу в цифровом публичном пространстве» (Дедковские чтения), которая прошла в Костромском государственном университете 26–27 апреля 2024 года. Свои статьи и материалы для публикации в альманахе предоставили преподаватели, ученые и исследователи из Костромы, Москвы, Ярославля, Санкт-Петербурга, Новгорода, Калуги, Ставрополя, Кирова, Симферополя, Воронежа, Твери.

Альманах адресован политологам, культурологам, историкам, философам, филологам, краоведам, сотрудникам органов государственного и муниципального управления, музейным и библиотечным работникам, педагогам и воспитателям, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется проблемами цифровизации политики, интернет-коммуникациями, онлайн-дискурсом, связями с общественностью и взаимодействием власти и общества в цифровой публичной сфере современной России.

ББК 63.3(2)632я43я04

ISBN 978-5-8285-1320-8

16+

© Костромской государственной университет, оформление, 2024
© Зайцев А. В., составление, 2024

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

Раздел 1

Интернет-диалог власти и общества в цифровой публичной сфере: инновационные технологии, механизмы и институты

УДК 316.32

ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

А. В. Зябликов

В статье структурируются и анализируются основные аспекты научного осмысления темы, связанной с перемещением традиционной офлайн-коммуникации власти и общества в онлайн-пространство. Выявляются ключевые концепты и проблемы, характеризующие этот дискурс. Обосновывается вывод о том, что для изучения взаимодействия власти и общества в цифровой публичной сфере наиболее эффективен междисциплинарный подход, интегрирующий методы социологии, политологии, социальной и политической философии, культурологии, психологии, права, лингвистики.

Диалог власти и общества, современное коммуникативное пространство, цифровая публичная сфера, конфликтное взаимодействие, интересубъектная коммуникация, диалоговая интернет-площадка, бюрократическая иерархия.

Динамичная цифровизация жизненного пространства качественно меняет публичную сферу, в том числе диалог власти и общества: у каждой из сторон появляются новые ресурсы влияния и методы, для каждого из акторов открываются новые возможности. Форсированному перемещению общественной коммуникации в онлайн-среду способствовали следующие обстоятельства: развитие информационно-технологической инфраструктуры и широкий доступ к ней населения, пандемийные ограничения 2020–2021 гг., осложнившие офлайн-диалог, потребность в более быстром, эффективном и открытом обсуждении и решении возникающих проблем. Несомненно, сыграли свою роль и драматичные события 2022–2024 гг., связанные с проведением специальной военной операции на Украине, в Донбассе и в Новороссии: они потребовали от представителей федеральной и муниципальной власти в корне пересмотреть содержательную основу и формат общения с населением [1]. Прежде всего, это характерно для приграничных западных регионов, губернаторы которых все далее уходят от неповоротливых бюрократических коммуникативных практик.

Губернатор Белгородской области В. В. Гладков заслуженно является одним из лидеров общественного мнения: ежедневные паблики в социальных сетях (три официальных аккаунта), работа интернет-приемной на сайте губернатора и правительства Белгородской области формируют современное коммуникативное пространство, приемлемое для достижения целей социального взаимопонимания и сотрудничества. Конечно, такая модель коммуникации является кризисной, но она контрастно выявляет узлы эффективного и взаимовыгодного диалога власти и гражданского общества: регулярность, транспарентность, неравнодушное внимание власти к нуждам и проблемам граждан, наличие обратной связи.

Анализ работ, посвященных изучению диалога власти и общества в цифровой публичной сфере, позволяет очертить приоритетные линии исследования названной проблемы, выявить возникающие на этом пути методологические трудности и тонкости, структурировать актуальные концепты и темы.

1. В числе приоритетных остается изучение различных дискурсивных практик и коммуникативных моделей [2]. Огромная заслуга в их теоретическом осмыслении принадлежит Юргену Хабермасу, обосновавшему тезис о диалогово-дискурсивной природе общества [3]. Заметим, что диалогика немецкого философа нацелена на поиск ненасильственных средств в пространстве коммуникации, то есть на широкую общественную де-liberацию. Эти задачи актуальны для информационной политики, проводимой современным российским государством, которое заинтересовано в установлении прямого онлайн-диалога с обществом. Однако в цифровой публичной сфере реализуются как процессы сотрудничества между органами государственной власти и организациями гражданского общества, так и формы конфликтного взаимодействия. Поэтому следует признать, что в условиях институционализации информационного общества коммуникативная теория Ю. Хабермаса нуждается в дополнении другими версиями публичной сферы [4].

2. В последние годы появляются публикации, посвященные таким интерпретациям публичного дискурса, где рассматривается не только толерантное взаимодействие и сотрудничество субъектов коммуникации, но и агональные коммуникативные практики, политическая конкуренция в контексте феномена постправды: инфокоммуникативное соперничество, борьба, конкуренция, противоборство – нередко с использованием манипулятивных технологий, методов ведения гибридной войны [5, 6]. Важным элементом современной онлайн-коммуникации является поиск методов нейтрализации фейкового контента, создание надежного дискурсивного заслона на пути разного рода информационных атак деструктивного и антигосударственного свойства [7, 8].

3. Многие авторы среди приоритетных теоретико-методологических задач, характеризующих онлайн-диалог, выделяют разработку и институционализацию технологий управления цифровым intersubjectным взаимодействием между двумя ведущими акторами цифровой публичной сферы: властью и социумом, государством и гражданским обществом [9, 10]. Сегодня все отчетли-

все проявляет себя необходимость перехода от субъект-объектной коммуникативной модели к диалогу субъект-субъектного типа, который предполагает равноправное участие и партнерство всех акторов, а также открывает беспрецедентные возможности для плюралистического обсуждения широкого круга вопросов – с учетом различных точек зрения. Потому в центре внимания исследователей – процесс правовой легитимации, нормативного закрепления, институционализации онлайн-коммуникации, формирующей инновационную диалогическую модель [11–15]. Примерами эффективных диалоговых интернет-площадок могут служить «Госуслуги», «Российская общественная инициатива». Весьма перспективной формой институализации онлайн-диалога является народное голосование, широко применяемое в последние годы при реализации различных федеральных программ и общественных инициатив [16]. Поиск удобных, доступных и эффективных каналов социальной коммуникации – важнейшая государственная задача.

4. Актуален интерес исследователей к изучению различных аспектов трансформации офлайн-диалога в онлайн-коммуникацию. Отмечается нелинейный и неровный характер названного процесса [17, 18]. Причиной тому – не только и не столько техническая и технологическая сторона дела, сколько факторы социального бытия: неспособность или нежелание некоторых групп адаптироваться к новой реальности, живучесть старых управленческих стратегий и моделей и попытки «механически» встроить их в новую цифровую практику [19–21]. Инерционные процессы так или иначе сказываются на работе российской административной системы, которая открывает в новой цифровой реальности множество удобств – не только для налаживания быстрого и эффективного взаимодействия с гражданами, но и для поиска различных вариантов «ухода» и «прикрытия», особенно в ситуациях, когда власть не заинтересована в широком общественном обсуждении своих инициатив. Как результат – формируется тип коммуникации, обладающий признаками имитации, так называемой симулятивной транспарентности, в которой реальность подменяется ее знаками, а факт – его моделью [22, 23]. Важно, чтобы в цифровой публичной сфере был институализирован именно диалог, а не его инсценировка, не мимикрирующие под него манипулятивные и симулятивные модели. Инерционные процессы сочетаются с новыми социальными и психологическими феноменами, например, с коррупциофобией, которая может оказывать тормозящее воздействие не только на противоправные поползновения власти, но и на ее полезные инициативы [24, 25]. Изучение факторов и причин, препятствующих реализации полноценной онлайн-коммуникации власти и общества, – еще одна актуальная научная задача. Нередко она реализуется на материале конкретного российского региона, что вполне объяснимо, поскольку это позволяет сосредоточиться на эмпирических данных и открывает возможности для красноречивого сравнительного анализа [26–28].

5. Одним из самых перспективных направлений исследования является поиск методик и критериев, позволяющих оценить качество диалога власти

и общества в цифровом публичном пространстве [29–32]. Особенность этого аспекта заключается в том, что исследователю приходится опираться на инструментарий смежных наук: социологии, социальной и политической философии, лингвистики, психологии и др. Проведенные эмпирические исследования показывают, что задача осуществления полноформатной intersubjectной коммуникации остается нерешенной. Значительная часть создаваемых официальными лицами аккаунтов не нацелена на достижение открытого и эффективного диалога с населением. Губернаторы, главы муниципалитетов, руководители различных государственных структур по-прежнему отдают предпочтение традиционному монологу, который опосредован цифровым форматом односторонней коммуникации субъект-объектного типа. Губернатор – ключевая фигура в государственной и бюрократической иерархии, он является не только проводником и координатором политики верховной власти, но и важной креативной, деятельностной силой, а соответственно, должен обладать высоким уровнем респонсивности, способностью генерировать инновативные идеи.

Социологические опросы и анализ оценки населением российских регионов уровня онлайн-интеракций с главами субъектов Российской Федерации свидетельствует о некотором преобладании позитивных оценок работы губернаторов с обращениями граждан по шкалам открытости, эффективности, оперативности. Вместе с тем, согласно профилю оценок граждан, работа губернаторского корпуса в большей степени осуществляется по своей повестке (часто без учета проблем простых людей), нередко выполняется формально, имеет признаки имитации деятельности. То же самое можно сказать о деятельности региональных общественных палат. Так, мониторинг интернет-порталов региональных общественных палат Центрального Федерального округа свидетельствует о низком уровне обратной связи с населением. Подавляющее большинство общественных палат ЦФО нацелено на однонаправленное информирование интернет-аудитории о своей текущей деятельности, о наиболее значимых событиях регионального и федерального масштаба – то есть ставка делается на традиционный, монологический, субъект-объектный формат коммуникации.

Таким образом, становление комфортной информационной среды, трансформация традиционного диалога общества и власти в онлайн-пространство – сложный, многоуровневый и многоаспектный процесс. К сожалению, цифровая публичная сфера некоторыми государственными служащими до сих пор оценивается по преимуществу как ресурс формализации и стандартизации диалога с гражданами. Хотя смысл перемещения взаимодействия государства и общества в онлайн-пространство в другом – в создании условий для устойчивого и транспарентного взаимодействия государства со всеми частями социума, в устранении барьеров отчуждения, недоверия и непонимания, которые исторически определяли взаимоотношения российской бюрократии и общества.

Научное осмысление современных аспектов социальной диалогии идет активно, но мы все еще находимся в начале пути. Для изучения взаимодействия власти и общества в цифровой публичной сфере наиболее эффективным будет

междисциплинарный подход, интегрирующий методы социологии, политологии социальной и политической философии, культурологии, психологии, права, лингвистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мартьянов Д. С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23, № 3. С. 20–32.
2. Диалог власти и общества: от офлайн-коммуникации к онлайн-дискурсу в цифровом публичном пространстве : монография / А. В. Зайцев, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Вахрушева, А. В. Зябликов, А. А. Макименко, А. А. Талалаев ; науч. ред. А. В. Зайцев, Ф. Т. Ахунзянова. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2023. 184 с.
3. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В. В. Иванова. М. : Весь мир, 2016. 344 с.
4. Зайцев А. В. Трансформация концепции публичной сферы Ю. Хабермаса в инфокоммуникативной и цифровой реальности конца XX – начала XXI в. (теоретико-методологический аспект) // Философская мысль. 2023. № 10. С. 51–62.
5. Ахунзянова Ф. Т., Зайцев А. В. Политико-правовая категория «политическая ненависть» в цифровом публичном дискурсе власти и общества и в судебно-следственной практике современной России // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 267–272.
6. Ахунзянова Ф. Т. Проблема ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в контексте лингвистической экспертизы // Государство и право. 2022. № 7. С. 168–172.
7. Симонова Е. В. Фейк как вызов цифрового медиапространства // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2022. № 15. С. 65–69.
8. Зайцев А. В., Ахунзянова Ф. Т. Типология фейков о спецоперации на Украине в цифровой публичной сфере // Коммуникология. 2023. Т. 11, № 4. С. 100–111.
9. Гаджиев Х. А. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 81–97.
10. Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества / А. В. Зайцев, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зябликов, А. А. Максименко // Социодинамика. 2023. № 10. С. 96–108.
11. Скокова А. Н. Обращения граждан на Платформе обратной связи: от экспериментального внедрения до правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 10. С. 78–82.
12. Зайцев А. В. Институционализация цифрового диалога власти и общества // Кострома. Genus Loci : альманах / сост. и отв. ред. А. В. Зайцев. Кострома : Костромской государственный университет, 2023. Вып. 6. С. 70–80.
13. Зотов В. В., Губанов А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов Центрального федерального округа // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 28–39.
14. Камалян Л. Г., Бахтина М. А. Социальные сети в деятельности органов власти Воронежской области // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : материалы IV Междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 118–120.
15. Краснопёров А. Ю. Муниципальные органы власти как субъекты массовой сетевой коммуникации в информационную эпоху // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 224–233.
16. Народное голосование как форма онлайн-диалога власти и общества / А. В. Зябликов, А. А. Максименко, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зайцев // Право и политика. 2023. № 12. С. 9–26.

17. Абрамов В. И., Андреев В. Д. Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 89–119.
18. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив / В. Н. Южаков, А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская, А. Н. Старостина // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 33–73.
19. Место и роль интеллигенции в эпоху цифровых трансформаций / Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зайцев, А. В. Зябликов, А. А. Максименко // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 9–36.
20. Ефимова П. А. Специфика цифрового взаимодействия глав регионов с гражданами: пилотное исследование // Интернет-коммуникации в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления: практики и стратегии развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2023. С. 49–53.
21. Попова О. В., Гришин Н. В., Погодина М. Я. Коммуникация молодежи с главами исполнительной власти регионов Российской Федерации во «ВКонтакте» в 2022 году // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 122–137.
22. Максименко А. А., Зябликов А. В., Вахрушева А. В. Удалить нельзя оставить: цифровая симуляция в онлайн-диалоге власти и общества // Цифровые технологии и право : сборник науч. Тр. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. Казань : Познание, 2023. С. 239–242.
23. Кто ближе к народу? Сетевой дискурс мэра vs сетевой дискурс губернатора / А. А. Максименко, О. С. Дейнека, А. В. Зябликов, А. В. Вахрушева // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск : материалы Всерос. конф. РАПН с междунар. участием (Москва, РУДН, МГИМО МИД России, 1–2 декабря 2023 г.) / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, М. М. Мчедловой, Л. Н. Тимофеевой. М. : РУДН, 2023. С. 338–339.
24. Исследование коррупциофобии в контексте диалога власти и общества: теоретико-методологические основы / А. А. Максименко, Д. В. Крылова, О. С. Дейнека, А. В. Зябликов, А. В. Вахрушева // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 257–266.
25. Коррупциофобия как фактор снижения управленческой инициативности среди государственных и муниципальных служащих в среде «государство – общество» / А. А. Максименко, Д. В. Крылова, А. В. Зайцев, А. В. Зябликов, Ф. Т. Ахунзянова // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11(187). С. 33–40.
26. Василенко Т. А., Тузовский Б. А., Овчинников Д. С. Сравнительный анализ медиainдексов глав субъектов Дальневосточного федерального округа в контексте диалога гражданского общества и власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 6(75). С. 1872–1878.
27. Ситник И. Е. Сравнительный анализ контентной политики личных аккаунтов глав регионов в социальных сетях (на примере Москвы и Московской области) // Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2023. С. 127–129.
28. Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области) / А. В. Зябликов, А. А. Максименко, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зайцев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2023. Т. 13, № 6. С. 28–46.
29. Кадышева Е. В. Социальные сети как инструмент формирования имиджа главы региона (на примере глав регионов Приволжского федерального округа) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 5(81). С. 1408–1415.
30. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть – общество» / А. А. Максименко, А. В. Зайцев, О. С. Дейнека, А. В. Зябликов, Ф. Т. Ахунзянова // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 2(127). С. 217–241.

31. Каминченко Д. И. Комплексный анализ содержания имиджа регионального руководителя (по материалам официального сайта Правительства Нижегородской области) // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 1. С. 100–113.
32. Плотникова М. А. Коммуникативные ресурсы Общественной палаты по формированию общественного мнения: на примере муниципальной территории // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 3. С. 103–115.

THE DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY IN THE DIGITAL PUBLIC SPHERE: THE MAIN ASPECTS OF THE STUDY

A. V. Zyablikov

The article structures and analyzes the main aspects of scientific understanding of the topic related to the movement of traditional offline communication between government and society into the on-line space. The key concepts and problems characterizing this discourse are identified. The conclusion is substantiated that an interdisciplinary approach integrating the methods of sociology, political science, social and political philosophy, cultural studies, psychology, law, and linguistics is most effective for studying the interaction of government and society in the digital public sphere.

Dialogue between government and society, modern communication space, digital public sphere, conflict interaction, intersubjective communication, interactive Internet platform, bureaucratic hierarchy.

УДК 316.32

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В. Ю. Яковлев

В статье представлен анализ преобразований, происходящих в коммуникации органов государственной и гражданского общества в интернет пространстве. Суть новаций как показано автором в трансформации моделей коммуникации в условиях цифровизации и социальной медиатизации политических процессов в публичной сфере современного российского общества. Используя в качестве ключевого понятия концепт медиатизации, в статье исследуется влияние новых медиа, которые становятся интегрированной частью политического дискурса в процессе социально-сетевой взаимодействия государственной власти и общества.

Цифровая коммуникация, государство, гражданское общество, диалог, связи с общественностью, новые медиа.

Широкое внедрение информационных технологий в процессы коммуникации, современного общества ведет к возникновению новых коммуникативных эффектов в сфере политических коммуникаций. Результаты социологических исследований демонстрируют уменьшение влияния традиционных интеракций между властью и населением на фоне усиления роли Интернета [10]. Стремительное развитие интернет-технологий и цифровизация общества способствуют переосмыслению публичного пространства как формы интересубъективного взаимодействия между властью и обществом. Тренд информационного взаимодействия смещается в онлайн пространство и «новые медиа». Это ставит

вопрос о работе механизма «обратной связи» влияния информационной среды на характер и структуру отношений власти и гражданского общества.

В онтологическом аспекте диалог, как форма политического взаимодействия, включает не только традиционных институциональных субъектов, таких как государство, политические партии или оппозицию, но и обычных граждан, не связанных напрямую с политикой, но играющих значимую роль в политической жизни общества в контексте общественного согласия и легитимности реализации власти [7, с. 5–16].

Предмет нашего исследования сосредоточен на довольно специфической сфере: коммуникативных стратегиях диалога в ситуации цифровой и медийной трансформации в политического дискурса. Данное исследование структурировано вокруг трех основных вопросов: в какой мере цифровая трансформация модифицирует взаимодействие между властью и обществом; при каких условиях цифровизация может способствовать улучшению этого взаимодействия; каковы риски медиатизации и цифровизации политической коммуникации?

Под термином «цифровизация» подразумевается интеграция цифровых технологий в различные аспекты жизнедеятельности современного общества, включая систему исполнительной власти и управления. Этот процесс реализуется в новых каналах коммуникации, изменению качества и интенсивности информационного обмена [4].

Концепт «медиатизация», в свою очередь, характеризует изменение роли и влияния средств массовой информации в трансформации различных сфер жизни общества, включая ее политическую составляющую. Гипотеза исследования заключается в том, что новые цифровые медиа не только передают новости и являются инструментом коммуникации, но начинают активно интегрироваться в политический дискурс, изменяют его, становясь репрезентацией власти как таковой.

Основы теории медиатизации были заложены трудами социолога Э. Мангейма [9], культуролога М. Маклюэна [8], философа Ю. Хабермаса [13], теории массовой коммуникации К. Аспа [14] и др. Основной объект в них – социально-технологическая среда передачи информации, а не текст, который в ней передается (содержание сообщения). В контексте медиа, как отмечает П. Бурдьё, «вырабатываются в конкуренции и конфликте инструменты осмысления социального мира, объективно имеющиеся в наличии в данный момент времени... определяется поле политически мыслимого» [3, с. 232], его легитимная проблематика.

Медийная цифровая среда предполагает адаптацию политического дискурса, апеллирующего к широким массам в решении социальных проблем. С учетом новой социально-технологической среды коммуникации системе государственной власти приходится взаимодействовать не с обществом в «традиционном» понимании, а с медиапредставлениями человека, социальные запросы которого касаются конкретных государственных решений. Медиатизация в этом отношении является двусторонним процессом, в котором средства массовой информации и новые медиа, с одной стороны, действуют как независи-

мые институты с собственной логикой развития. С другой – они становятся частью сторонних социальных институтов, включая политику, в контексте которой реализуется публичный диалог между властью и обществом.

Современное общество сталкивается с быстрыми и существенными изменениями в области цифровой коммуникации между исполнительной государственной властью и гражданами. Во-первых, цифровизация и интернет-технологии существенно изменили способы взаимодействия государства с гражданами: государственные органы стали предоставлять онлайн-сервисы для получения информации, подачи заявлений и обращений. Это делает коммуникацию более удобной и доступной для граждан, уменьшая бюрократические барьеры в решении проблем. Во-вторых, важным инструментом для взаимодействия государства с гражданами стали сами социальные сети. Многие государственные органы активно используют социальные платформы для информирования о своей деятельности, проведения консультаций и обратной связи, что способствует увеличению прозрачности и открытости власти [6]. Третье изменение связано с участием граждан в процессе принятия управленческих решений. Механизмы общественного обсуждения и консультаций становятся все более распространенными, что позволяет заинтересованным лицам высказывать свое мнение и влиять на принимаемые решения. Не менее важным изменением является увеличение акцента на персонализацию коммуникации. Государственные органы все чаще стремятся адаптировать информацию и сервисы под индивидуальные потребности и предпочтения граждан, что способствует более эффективному взаимодействию власти и общества.

Развитие цифровых СМИ, активное использование интернет-коммуникаций и формирование информационного цифрового общества способствовали кардинальному преобразованию публичной сферы. Это дало толчок к институционализации интерактивного онлайн-диалога между государством и обществом в рамках медийной цифровой среды. Как показывают исследования, проведенные ВЦИОМ [10], подавляющее большинство граждан России, регулярно пользуются хотя бы одной из социальных сетей или мессенджеров. Этот факт обуславливает тенденцию создания официальных аккаунтов в социальных сетях со стороны ключевых фигур общественной и политической жизни страны, включая представителей власти различного регионального уровня. В контексте российского сегмента диалога можно выделить такие цифровые платформы, как «Госуслуги», «Активный гражданин», «Работа в России» и др. [12]. Помимо этого в качестве площадки диалога, для облегчения коммуникации между этими двумя сторонами, активно используются социальные сети ВКонтакте, WhatsApp, Telegram, Одноклассники [11] и др.

Ключевым преимуществом онлайн-диалога является минимизация затрат времени и ресурсов на организацию коммуникации, расширение круга участников диалога, повышение легитимности принимаемых решений. Цифровая среда обеспечивает возможность для общения участников, находящихся в разных географических регионах, вести обсуждение социально-значимых проблем

«здесь и сейчас», независимо от места проживания. В результате публичная сфера трансформируется из единого центра во множество сетевых публичных пространств, каждое из которых обладает своими уникальными характеристиками политического дискурса.

В контексте цифрового общения, включающего различные форматы (тексты, изображения, фото, мультимедийные элементы, видеосюжеты), наблюдается трансформация способов передачи информации за счет использования электронных технологий. Специфические атрибуты цифрового дискурса исполнительной власти, такие как гипертекстуальность, интерактивность и функционально-стилевые особенности, заметно отличают его от традиционных способов коммуникации.

Оказывая значительное влияние на характер интеракций исполнительной власти и общества, цифровизация политического дискурса приводит к следующим ключевым изменениям:

1. Взаимодействие государственных органов с населением преобразуется в двусторонний диалог, что является новацией для официально-деловой коммуникации. До появления цифровых технологий характерно было одностороннее информационное воздействие исполнительной власти на членов общества. Цифровая эра позволяет гражданам активно участвовать в обсуждении и оценке действий власти.

2. Происходит смена вертикальной коммуникации на горизонтальную, при которой адресаты медиасообщений становятся равноправными участниками цифрового политического дискурса. Это сопровождается увеличением количества отправителей сообщений благодаря медиатизации, расширяя круга участников диалога от официальных лиц, журналистов, экспертов до лидеров общественного мнения в СМИ.

3. Изменилась скорость общения, коммуникация между властью и гражданским обществом становится более оперативной, объемной и разнообразной.

4. Развитие цифровых технологий способствует увеличению числа источников информации, представляющих власть, за счет развитой сети цифровых платформ и электронных ресурсов. Они включают в себя веб-страницы, официальные сайты, паблики, блоги, подкасты органов власти. В социальных сетях и мессенджерах создаются официальные страницы государственных институтов, а также личные страницы отдельных должностных лиц, предоставляющие возможность для прямого диалога с гражданами.

В контексте использования цифровых платформ, технологического прогресса медийной инфраструктуры значительные изменения претерпели стиль, формат и культурный стандарт общения государственных институтов с гражданами. Эти изменения включают в себя персонализированные обращения к заявителям, уменьшение объема текстов, преобладание общеупотребительной лексики, использование коротких и понятных предложений, а также внедрение в медиатексты элементов экспрессии, неформального общения и эмпатии в деловой этикет коммуникации.

Таким образом, цифровизация и медиатизация существенно трансформируют коммуникативные процессы между исполнительной властью и обществом, делая их интерактивными, доступными и многогранными. В качестве примера можно отметить официальный сайт губернатора Московской области, который поддерживает активную двустороннюю коммуникацию в цифровом пространстве и социальных медиа. Аналогичные паблики в сети интернет стали обязательным атрибутом медийного присутствия власти во многих субъектах Российской Федерации. Цифровая трансформация не только способствовала усилению открытости и доступности государственных структур, но и положительно сказалась на общественном восприятии власти, способствуя росту политической активности и стабильности за счет прозрачности действий публичных институтов [5].

Это обусловлено появлением новых возможностей для прямого участия граждан в политической жизни через электронные платформы, что включает процедуры выдвижения инициатив и обращений граждан, а также дистанционное голосование, расширяет участие в выборах и референдумах, стимулирует к активному отклику на социальные запросы. Цифровые платформы и социальные медиа становятся местом формирования общественного мнения, позволяя оперативно анализировать и реагировать на проблемы граждан с помощью онлайн-мониторинга и анализа данных. Это расширяет возможности для изучения потребностей различных социальных групп, в том числе с использованием анализа больших данных (Big Data).

Объемные и разнообразные наборы данных генерируемых в социальных медиа благодаря возможности их обработки с помощью специализированных программных представляют важный ресурс для анализа и прогнозирования управленческих решений. Источниками таких данных служат, инструменты для анализа и мониторинга социальных сетей, такие как «Крибрум», IQBuzz, Scan Interfax и другие системы мониторинга, позволяющие проводить количественный и качественный анализ социальных запросов, даже если они напрямую не адресованы органам власти различного уровня.

В цифровом пространстве пользователи активно выражают свои взгляды, инициируют дискуссии по актуальным темам и оценивают действия политического руководства, создавая тем самым обширный пласт цифровой информации для выявления общественных настроений. Применение инструментов мониторинга позволяет в реальном времени анализировать аудитории социальных сетей (VK, Одноклассники, Живой Журнал и др.) путем учета «лайков», репостов и комментариев, создавать наглядную инфографику, отображающую уровень социальной активности пользователей, что способствует формированию механизмов обратной связи в политическом дискурсе. С другой стороны, цифровое пространство диалога способствует повышению политической осведомленности граждан за счет доступа к широкому спектру источников информации, что позволяет глубже понимать социально-политические процессы и действия власти различного уровня и региона.

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации для реализации диалога между властью и обществом, существуют социальные риски медийной коммуникации. Одним из них является возможность использования цифровых инструментов заинтересованными акторами для манипуляций общественным мнением. Кроме того, при дистанционном электронном голосовании существует угроза фальсификации результатов социальных выборов, поскольку обеспечить надежный общественный контроль за такими процедурами довольно проблематично. В текущей геополитической обстановке наблюдается повышенный риск внешнего вмешательства в процесс коммуникации между государственными органами и гражданским обществом, осуществляемый сторонами, стремящимися реализовать собственные политические амбиции.

Наряду с этим, в контексте цифрового мира, насчитывающего миллионы активных пользователей, распространение недостоверной информации становится выгодным бизнесом для медиакорпораций благодаря модели заработка по принципу пени за клик, когда недостоверный «вирусный» контент молниеносно транслируется в сети. Создание массива ложных сообщений в сети становится в такой ситуации тривиальной задачей, т. к. дезинформация и сенсационные новости распространяются с более высокой скоростью, чем квалифицированные эксперты успевают их выявить и опровергнуть.

Анализ доступных данных косвенно свидетельствует о том, что правительственные структуры зачастую не располагают четкой стратегией и методологией для эффективного противодействия на пути распространения потока ложной информации в интернете. Действия политических элит в цифровом пространстве зачастую носят спонтанный характер, их информационные подразделения редко пытаются предвидеть тенденции в создании политического контента. Таким образом, сопротивление внешним политическим влияниям осуществляется без опоры на единую научную и методологическую базу.

Принципиально важно отметить, что информационные технологии, задуманные для обработки данных в цифровой среде, не являются абсолютно нейтральными инструментами коммуникации и творчества. IT-технологии влияют на формирование определенных привычек и установок интернет-пользователей не заметно для них самих. В условиях перенасыщения информацией, когда объемы данных увеличиваются экспоненциально, потребители цифрового контента склонны отказаться от рационального анализа информации и поиска альтернативных ее источников, предпочитая эмоциональное ее подтверждение на основе имеющихся у них предубеждений.

Конкуренция за внимание пользователей в цифровой среде стимулирует бесконтрольный рост медиа информации, сокращая время, отведенное на ее понимание и осмысление. В результате функции памяти, внимания, восприятия и аналитические способности человека перекладываются в медиасреде на технологические «умные» гаджеты (смартфоны и компьютеры), что негативно сказывается на когнитивных навыках оценки получаемой информации. Продолжительное ее потребление в усеченном виде в социальных сетях приводит

к ухудшению критических функций мышления, социально-ментальной патологии – неспособности к системному анализу информации (цифровому аутизму).

В исследовании адаптации России к цифровой экономике, проведенном Институтом экономических стратегий РАН, на основании анализа более 500 экспертов и мониторинга за деятельностью 300 предприятий высокотехнологического комплекса [2], фиксируются риски цифровизации, ведущие к деградации массового естественного интеллекта, которые проявляются в симптомах клипового мышления, интеллектуальной зависимости от ИТ техники (передача функции памяти гаджетам), стирании грани между действительностью и иллюзией, формировании неадекватного представления о мире, заимствовании ценностей и потребностей из цифровых шаблонов.

В современном контексте цифровой трансформации политическая коммуникация сталкивается с рядом критических проблем: «Сегодня и в обозримом будущем, – отмечает А. И. Агеев, – рост неадекватности „картин мира“ руководящего персонала становится едва ли не решающим вызовом устойчивости управляющих систем и кадров» [1, с. 14]. В условиях цифровой медиатизации общественного диалога власти и гражданского общества увеличивается риск получения искаженных представлений о текущих социальных проблемах, неадекватного восприятия социальных запросов населения, представление которого в цифровом пространстве существенно отличается от реального мира социального бытия человека. Это означает, что цифровизация и медиатизация кардинально трансформирующие способ взаимодействия общества и власти, требует от последней активного использования обратной связи для анализа и учета социальных интересов граждан.

Таким образом, цифровизацию политической коммуникации между властью и обществом не следует рассматривать лишь как внедрение системы новых технологий, приводящих к расширению сферы государственных услуг и модернизации общества. Цифровой формат и медиатизация политического диалога порождают социальные и гуманитарные проблемы, решение которых зависит от стратегических решений на уровне государства, общества и каждого человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агеев А. И. Управление цифровым будущим // Мир новой экономики. 2018. Т. 12, № 3. С. 6–23.
2. К цифре готов? Оценка адаптивности высокотехнологического комплекса России к реалиям цифровой экономики / А. И. Агеев, Е. А. Асанова, О. В. Глибенко, М. В. Ремизов, В. А. Смирнова. М. : ИНЭС, 2018. 60 с.
3. Бурдые П. Социология политики : пер. с фр. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Социология цифрового общества : монография. Томск : Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2021. 226 с.
5. Гаджиев Х. А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 8–20.
6. Дмитриева Н. Е. Открытое государственное управление: задачи и перспективы в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 128–145.

7. Зайцев А. В. Диалог государства и гражданского общества: к вопросу об идентификации и типологизации // Социально-политические исследования. 2020. № 1(6). С. 5–16.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2007. 464 с.
9. Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М. : Университетская книга, 2000. 505 с.
10. Наша цифровая повседневность // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-rovvednevnost> (дата обращения: 17.05.2024).
11. Платонов К. А., Легостаева Н. И. Онлайн-сообщества в исследованиях политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 2. С. 391–402.
12. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.
13. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М. : Весь Мир, 2022. 880 с.
14. Asp K. Mediatization: Rethinking the Question of Media Power // Mediatization of Communication : Handbooks of Communication Science. Vol. 21. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 349–373.

COMMUNICATION STRATEGIES OF DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND CIVIL SOCIETY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

V. Yu. Yakovlev

The article presents an analysis of the transformations taking place in the communication of state and civil society bodies in the Internet space. The essence of innovations, as shown by the author, is in the transformation of communication models in the context of digitalization and social mediatization of political processes in the public sphere of modern Russian society. Using the concept of mediatization as a key concept, the article examines the influence of new media, which are becoming an integrated part of the political discourse in the process of social and network interaction between government and society.

Digital communication, state, civil society, dialogue, public relations, new media.

УДК 070

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ И МЕДИЙНЫХ ПРОЦЕССОВ: ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2024 ГОДУ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. А. Мариева, Т. Л. Каминская

Отражено использование цифровых технологий (приложение, программа, сайт, портал) при проведении выборов. Выявлены типы контента Избирательной комиссии Новгородской области: креативный и официальный.

Выборы, сайт РЦОИТ, приложение «Телеформ», проект «ИнформУИК», программа «Интерактивный рабочий блокнот», сайт «Наш выбор», портал Госуслуги, Teachbase, QR-код, КОИБ.

Актуальность работы обусловлена проведением в марте 2024 года в Российской Федерации выборов Президента, для реализации которых были разработаны и усовершенствованы цифровые платформы, результат использования которых нуждается в научном осмыслении.

Цифровые разработки для проведения выборной кампании изучают исследователи, так, Д. Е. Антонов фиксирует роль интернет-технологий в процессе мобилизации электората, подчеркивает, что «дальнейший рост числа активных пользователей среди избирателей и развитие технологий интернет-коммуникаций будет способствовать активизации «слабых связей» избирателей, созданию индивидуальных таргетированных мобилизационных и агитационных кампаний» [1, с. 545]. Причем, как отмечает Р. В. Парма, содержательная часть таких практик будет отличаться в зависимости от повестки и лояльности/оппозиционности избирателей: «повестка сообщений лояльных граждан включает решение социальных и экологических вопросов, защиту животных, а повестка оппозиционных граждан касается участия в протестных акциях, правозащитных мероприятиях и в решении социально-экономических проблем» [8, с. 71].

Для фиксации цифровизации в контексте электоральных и медийных процессов были изучены цифровые платформы. Эмпирической базой послужили разработанное для настоящих выборов приложение для обходчиков «Телеформ», серия рабочих чатов в Телеграме для обеспечения реализации проекта «ИнформУИК», программа «Интерактивный рабочий блокнот», в том числе его мобильная версия, сайт «Наш выбор», портал Госуслуг РФ, сайт «Российский Центр обучения избирательным технологиям», Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [22] и Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [21]. Эмпирической базой послужила и группа ВКонтакте «Избирательная комиссия Новгородской области», контент проанализирован за период с 01.03.2024 по 02.04.2024 гг., всего более 70 публикаций [18].

Выборка может считаться репрезентативной в силу того, что в статье рассмотрены технологии, которые способствовали проведению электорального процесса: некоторый перечень из них уже успел себя проявить как эффективный инструмент при проведении голосования, другие – были созданы и применены на текущих выборах. В исследовании использовался метод включенного наблюдения: авторы руководили участковыми избирательными комиссиями Новгородской области в качестве Председателей, в своей деятельности использовали современные технологии для обеспечения избирательного процесса, а также активного избирательного права граждан. Применялся также экспертный опрос, который позволил получить представление о цифровизации электоральных процессов, а также обратную связь от использования приложений. Всего было опрошено два респондента из двух городов: Великий Новгород и Москва.

Цифровизация текущих выборов началась, когда члены комиссии с правом решающего голоса и жители Новгородской области участвовали в пробном

дистанционном электронном голосовании (ДЭГ) с помощью портала Госуслуги [11]. В ноябре 2023 года через раздел «Мои выборы» на портале они подавали заявление на участие в пробном тестировании Общероссийской тренировки ДЭГ [13], в тестовом режиме отдавали свой голос. В итоге в период избирательной кампании в 29 субъектах РФ граждане могли проголосовать онлайн: «жители 28 регионов России – с использованием ДЭГ на портале vybory.gov.ru [12], а избиратели Москвы – на региональной платформе mos.ru» [10].

Э. А. Памфилова, председатель ЦИК РФ, в личной беседе с автором исследования на Всемирном фестивале молодежи [3] отметила, что дистанционное голосование – это привлекательный удобный безопасный и, скорее, молодежный способ выразить свою позицию, при этом отменять очное трехдневное голосование на участке пока не планируется, поскольку этот формат уже традиционен и удобен населению.

Для осуществления эффективной работы избирательной комиссии очно на участке использовалась цифровая платформа Teachbase [9], на которой проходило обучение обходчиков проекта «ИнформУИК» [7]. На платформе были представлены лекции, после изучения которых обучающие получали сертификат.

Документ получали и на базе Российского Центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России (РЦОИТ) [16] в феврале 2024. На сайте осуществлялось обучение для членов комиссии, после выполнения заданий на почту приходил документ об успешном прохождении тестирования по программе «Организация деятельности участковой избирательной комиссии» [16].

Обучение по двум программам позволяло обходчикам – представителям проекта «ИнформУИК» – начинать «адресное информирование и оповещение избирателей о дне, времени и месте, а также формах голосования на выборах Президента России путем поквартирного обхода» [23]. Для этого было создано приложение для опросов «Телеформ», оно было доступно для установки как на андроид, так и на айфон [19]; интуитивно понятный интерфейс способствовал оперативному выполнению работы: необходимо было выбрать город, улицу, дом и квартиру, соответствующие избирательному участку. И далее начинать информирование о видах голосования, уточнение по предпочтительному способу и так далее. При успешном разговоре, когда были получены ответы на все вопросы, обходчик в приложении нажимал на иконку «разговор состоялся» и квартира «перекрашивалась» в зеленый цвет. Были также использованы формулировки «разговор состоялся, но не полностью», тогда квартира была «окрашена» в голубой цвет, «не открыли», тогда – в красный и другие. Показателем качества работы обходчика было автоматическое «окрашивание» в цвет всех квартир, причем эффективность определялась по количеству зеленых квартир: чем больше формулировок «разговор состоялся», тем лучше.

«Мы стремились к тому, чтобы квартиры в приложении были все «зелеными», чтобы разговор состоялся полностью. Но это почти нереально, поскольку кто-то принципиально не открывал дверь, кому-то нужно было срочно закончить разговор, с кем-то он совсем не начинался, поскольку людей не было

дома. Мы приходили потом еще раз, все равно застали не всех», – отмечает Е. В. Емельянова, обходчик, член УИК с правом решающего голоса [6].

Для оперативного взаимодействия по работе проекта «ИнформУИК» для членов комиссий Новгородской области были созданы чаты и чат-боты в Телеграме, например, «53_Новгородская_Техподдержка_ИнформУИК» и «ИнформУИК_инструкции». Цифровая платформа способствовала осуществлению коммуникации членов Территориальной избирательной комиссии и Техподдержки с членами Участковых избирательных комиссий.

Для прозрачности и легитимности документации ряд актов был заверен электронной подписью Председателями УИК на сайте «Наш выбор» [17]. На нем же осуществлялась проверка видеонаблюдения: установка камер и их ракурсы согласно утвержденной схеме Ростелекома, а также звук. Такой цифровой подход к осуществлению электорального процесса способствовал прозрачности выборов.

Что касается прозрачности процесса, то крайне интересно рассмотреть приложение «Гео-СМС», реализация которого вызывала вопросы в легитимности мобилизационной практики [4]. При его использовании избиратель получал СМС-уведомление о необходимости проголосовать, далее непосредственно на участке он переходил по ссылке, система отмечала его как проголосовавшего; ссылка была активна только на территории УИК (по геолокации).

Еще одна цифровая программа – «Интерактивный рабочий блокнот», она упрощала деятельность комиссий в период дней голосования. Это «автоматизированное рабочее место УИК, сопряженное с программным обеспечением ГАС «Выборы»» [14]. С помощью «Блокнота» возможно было осуществлять процесс так, чтобы деятельность комиссий посредством технологии была организована с момента составления протокола первого заседания и до подписания финочета.

Подсчет бюллетеней в некоторых комиссиях осуществлялся с помощью комплекса обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) – электронного устройства для подсчета голосов избирателей. Инновационным служит и оформление машиночитаемого кода (OR-код) на протоколе об итогах голосования, который позволял оперативно вводить количественные показатели в ГАС «Выборы».

Цифровизация отразилась и на медийных процессах, связанных с освещением избирательной кампании в сети. Так, в сообществе ВКонтакте «Избирательная комиссия Новгородской области» [5] публиковались медиатексты о подготовке и проведении выборов. Большая часть публикаций была похожа между собой, поскольку сопровождалась одинаковым изображением: официальное фото выборов 2024 года, с изображением на нем дат голосования, символа выборов, кандидатов и процентной явки на конкретные дату и время [15]. При этом такие посты были востребованы ЦА, имели высокие количественные показатели: в среднем 5 000 просмотров и 15 репостов при 3000 подписчиков, при этом лайков такие публикации набирали мало (10-14 отметок «нравится»). Популярнее по «сердечкам» были медиатексты, которые представляли собой серию «живых» фотографий с выборов: как готовили участок к голосованию,

как жители опускают бюллетени в ящик, как на снимках позируют всей семьей, как работает избирательная комиссия [20]. Привлекательны для аудитории были и изображения, сделанные в период реализации программы «ИнформУИК», когда обходчики через сугробы добирались до домов, используя для этого тракторы и снегоходы, сопровождают посты частушки авторского сочинения члена комиссии [2]. На основе снимков был даже создан ролик на три минуты, который собрал рекордные 50 лайков, представляет собой слайд-шоу под композицию «Три белых коня» [15]. Резюмируя, контент в период избирательного процесса был двух типов: креативный (с «живыми» снимками и частушками) и официальный (с цифрами, графиками и схемами).

Таким образом, цифровизация в контексте электоральных процессов представляет собой применения современных технологий при проведении голосования. На основе выборов Президента РФ в 2024 году, а именно опыта Новгородской области, было выявлено, что для реализации политического события используются: сайт РЦОИТ, приложение «Телеформ», проект «ИнформУИК», приложение «Гео-СМС», программа «Интерактивный рабочий блокнот», сайт «Наш выбор», чаты и чат-боты в Телеграме, портал «Госуслуги», цифровая платформа Teachbase, ОР-код, КОИБ и федеральная платформа ДЭГ. Со стороны медийных процессов освещение выборов происходит в сообществе Избирательной комиссии Новгородской области, контент которой можно разделить на креативный и официальных. Оба процесса повлияли на проведение выборов Президента РФ в Новгородской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов Д. Е. Использование интернет-технологий для мобилизации электората: особенности, субъекты и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 3. С. 538–548.
2. Все, что вы хотели знать о выборах, рассказывает ИнформУИК. В частушках // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall-184862442_2116 (дата обращения: 04.04.2024).
3. Всемирный фестиваль молодежи 2024 в России : офиц. сайт. URL: <https://fest2024.ru> (дата обращения: 04.04.2024).
4. Мухаметшина Е. Единая Россия перевыполнила план по поддержке Владимира Путина на выборах // Ведомости. 2024. 20 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/20/1026715-edinaya-rossiya-perevypolnila-plan-po-podderzhke-putina-na-viborah> (дата обращения: 04.04.2024).
5. Избирательная комиссия Новгородской области // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/ikno53> (дата обращения: 04.04.2024).
6. Интерактивный рабочий блокнот. URL: <https://www.rcoit.ru/rb/index.htm> (дата обращения: 04.04.2024).
7. На платформе TeachBase началось обучение и тестирование членов избирательных комиссий, участвующих в проекте «ИнформУИК» // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall-217530515_187 (дата обращения: 04.04.2024).
8. Парма Р. В. Вовлечение российских граждан в общественное участие онлайн // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 5(107). С. 63–73.
9. Платформа Teachbase. URL: <https://go.teachbase.ru/accounts> (дата обращения: 04.04.2024).
10. Платформа для голосования МСК. URL: <https://www.mos.ru> (дата обращения: 04.04.2024).

11. Портал государственных услуг Российской Федерации. URL: <https://esia.gosuslugi.ru/login> (дата обращения: 04.04.2024).
12. Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России. URL: <https://vybory.gov.ru/?amp=&> (дата обращения: 04.04.2024).
13. Поучаствуйте в тренировке дистанционного электронного голосования // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ : офиц. сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/47870> (дата обращения: 04.04.2024).
14. Председатель ЦИК России Э. Памфилова: «Интерактивный рабочий блокнот участковой избирательной комиссии» – уникальный инновационный продукт // Вестник Центральной избирательной комиссии РФ : офиц. сетевое издание. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/opinions/50153.html> (дата обращения: 04.04.2024).
15. Завершается «ИнформУИК – проект по информированию избирателей о выборах Президента России // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall-184862442_2124 (дата обращения: 04.04.2024).
16. Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России : офиц. сайт. URL: <https://www.rcoit.ru> (дата обращения: 04.04.2024).
17. Наш выбор : офиц. сайт. URL: <https://sp.nashvybor.online/account/login> (дата обращения: 04.04.2024).
18. Сегодня участковые избирательные комиссии приступили к работе // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall-184862442_2128 (дата обращения: 04.04.2024).
19. Телеформ – приложение для опросов, информирования, проведения встреч и проверок : мобильное приложение. URL: <https://teleform.ru> (дата обращения: 04.04.2024).
20. УИК Новгородской области встречают первых избирателей // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall-184862442_2148 (дата обращения: 04.04.2024).
21. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/19006/page/1> (дата обращения: 04.04.2024).
22. Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18173> (дата обращения: 04.04.2024).
23. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации : офиц. сайт. URL: [http://www.cikrf.ru/?\]A%D3%01](http://www.cikrf.ru/?]A%D3%01) (дата обращения: 04.04.2024).

**DIGITALIZATION IN THE CONTEXT OF ELECTORAL AND MEDIA PROCESSES:
ELECTIONS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN 2024 IN THE NOVGOROD REGION**

E. A. Marieva, T. L. Kaminskaya

The use of digital technologies (application, program, website, portal) in the conduct of elections is reflected. The types of content of the Election Commission of the Novgorod region have been identified: creative and official.

Elections, RCOIT website, Teleform application, InformUIK project, Interactive Work Notebook program, Our Choice website, Public Services portal, Teachbase, OR-code, COIB.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА НОВЫХ МЕДИА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАПРОСТРАНСТВА

Т. Ю. Рудницкая

В статье исследуется формирование концепта «новые медиа». Обнаруживается концептуальная рассогласованность и терминологическая полифония в исследованиях медиа.

Медиа, новые медиа, медиаплатформа, социальные медиа, Юрген Хабермас.

Цифровизация как элемент новой социальной реальности охватила фактически все сферы общественной жизни. Процесс цифровизации сопровождается и изменением архитектоники медиапространства, серьезные трансформации претерпела структура массмедиа, масштабы и типы медиапотребления.

Развитие электронных цифровых технологий, создание Интернета и как следствие этих процессов появление новых медиа носит, по оценке Юргена Хабермаса, революционный характер. По масштабу трансформаций, по титаническим сдвигам и влиянию на архитектуру медиапространства, новая историческая веха, связанная с возникновением новых медиа, соизмерима с появлением книгопечатания» [9, с. 46].

Понятие «новые медиа» появилось в 90-е годы XX века. Его концептуализации и популяризации способствовали многие зарубежные исследователи, в частности Т. Фридман, К. Хэйлис, П. Райд, А. Дьюдни.

Обратимся к толкованию понятия «новые медиа», его сущностным характеристикам и различным подходам в концептуализации в отечественном и зарубежном научном дискурсе. Заметим, что, несмотря на определенные достижения в теоретическом осмыслении феномена новых медиа ряд методологических задач остается нерешенным. Бурное развитие медиатехнологий, интенсивные преобразования в сфере коммуникации ставят перед исследователями вопросы, ответы на которые ждут своего разрешения.

В медиаисследованиях обнаруживается отсутствие единого структурированного понятийно-категориального аппарата применительно к данному феномену.

Существуют и разные подходы концептуализации новых медиа, в основе которых лежат следующие критерии:

- Хронологический фактор. В рамках данного подхода 1980-е гг. следует считать революционными в отношении динамики развития медиасферы. Это время является своеобразным водоразделом, позволяющим разделить «старые» и «новые» медиа чисто хронологически.
- Оцифровка («дигитализация») и мгновенная передача контента Данный подход позволяет называть новыми медиа весь арсенал традиционных медиа, содержание которых преобразовано в цифровую форму и представленных

в оцифрованном виде в сети Интернет. В данном разрезе понятие «новые медиа» встраивается в синонимичный ряд с терминами «онлайнмедиа» и «сетевые медиа» [5, с. 116–117].

– Платформенный характер медиа.

Большая российская энциклопедия дает следующее определение: «Новые медиа – коммуникационные средства, появившиеся в связи с развитием цифровых технологий. К новым медиа относят различные формы коммуникации/обмена сообщениями, ставшие возможными благодаря распространению персональных компьютеров, смартфонов и интернета». При этом в качестве существенных признаков новых медиа выступают цифровой формат, интерактивность и мультимедийность» [2].

В словаре «Отечественная теория медиа: основные понятия» понятие «новые медиа» трактуется как собирательное, концентрирующее в себе различные виды медиа, функционально отличающиеся от «старых»/«традиционных» медиа (прежде всего СМИ). Данное понятие распространяется на любые медиа, обладающие интерактивностью, доступ к которым осуществляется с помощью Интернета (сайты, веб-порталы, социальные сети, мессенджеры, блог-платформы, аудиовизуальные хостинги, сервисные приложения и мн. др.) [8, с. 174].

А. Н. Назаренко подчеркивает, что «в новых медиа „новое“ – это противопоставление традиционному, это реакционное наименование, а вместе с тем и спекулятивное, условное, неформальное, построенное по контрадикторному принципу» [6, с. 70].

В качестве существенных признаков новых медиа С. Г. Носовец указывает:

- Интернет как технологическая и коммуникативная среда существования новых медиа;
- интерактивность;
- конвергенция;
- доступность;
- гипермедийность.

Вместо традиционно приписываемого новым медиа многими исследователями признака мультимедийности как возможности соединения вербального, аудио-, видео-, фотографического, графического, анимационного и иных компонентов С. Г. Носовец декларирует гипермедийность новых медиа. Релевантность введения признака гипермедийности исходит, по мнению, исследователя, из того, что новые медиа могут объединять в себе все предыдущие медиа (печать, радио, телевидение) и могут использовать все существующие формы мультимедиа и их комбинации.

На основании перечисленных признаков исследователь под «новыми медиа» понимает «высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту» [7, с. 45]. Новые медиа интерпретируются и как новая информационно-коммуникативная среда. Такое понимание базируется на выделении следующих характерных признаков:

- негомогенность;
- нематериальность;
- доминирующая модель коммуникации: многие – многим;
- осуществление контроля за распространением информации принадлежит всем участникам коммуникации;
- контент кастомизируется под индивидуальные запросы пользователей [1, с. 132].

В медиаисследованиях синонимично используется богатая палитра понятий: новые медиа, проекты Веб 2.0, социальные сервисы, социальные сети, общественные СМИ, гражданские СМИ. Более корректным и оправданным И. А. Быков и О. Г. Филатова считают употребление понятия «социальные медиа», под которыми они понимают вид онлайн-СМИ, в которых каждый человек может выступать как в роли аудитории, так и в роли автора. Для этого используется социальное программное обеспечение, которое позволяет любому без специальных знаний в области кодирования размещать, комментировать, перемещать, редактировать информацию и создавать сообщества вокруг разделяемых интересов [3, с. 230].

Анализируя медийную структуру современного информационного общества, Р. А. Дукин осуществляет попытку дифференцировать понятия «новые медиа» и «социальные медиа». Главной отличительной особенностью последних он считает также особую роль пользователей, которые не только сами генерируют контент, обмениваются им, но и создают тесные социальные связи [4, с. 123].

Научно-исследовательский центр мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде в «Словаре-справочнике современной интернет-среды» так эксплицирует понятие: «Новые медиа – совокупность платформ подачи информации в Интернете» [10, с. 6].

На платформенный характер новых медиа указывает немецкий мыслитель, автор теории коммуникативного действия Юрген Хабермасс. Следует отметить, что под новыми медиа Юрген Хабермас понимает не «расширение прежних медиауслуг», а медиаплатформы. Платформенный характер медиа имеет в данном контексте принципиальное значение. Именно платформенный характер новых медиа и предопределяет специфику их функционирования.

Проводя компаративный анализ традиционных средств массовой информации и новых медиа, немецкий мыслитель выделяет следующие особенности и тенденции, порожденные цифровой трансформацией медиа.

Изменение модели коммуникации и статуса медиапользователей. Книгопечатание превратило человека в потенциального читателя, цифровизация позволила выступить каждому желающему в роли активного субъекта медиaprостранства – потенциального автора. Очевидно, что утверждение новой модели коммуникации сопровождается нивелированием ролевой асимметрии, характерной для традиционных СМИ. Происходит активное размывание четких границ между автором и читателем.

Юрген Хабермас отмечает: «Новые медиа – это платформы, которые рядом со сферой публичного высказывания редакций возводят коммуникационное пространство, где читатели, слушатели и зрители могут выступать в роли авторов» [9, с. 24] и сталкиваться друг с другом как в целом равные и самостоятельные участники коммуникативного обмена на спонтанно выбранные темы. В отличие от линейной и односторонней связи, возникающей в традиционных медиа, в новых медиа устанавливается децентрализованная связь для обмена возможным контентом между потенциально большим количеством пользователей [9, с. 49].

Отсутствие ответственности за содержание медиаконтента. Ситуации, когда любой пользователь сети имеет право и возможность неконтролируемо, спонтанно публиковать собственный коммуникативный контент, инициировать дискуссию, минуя бремя ответственности за свои действия и слова, не может не отразиться на качестве медиаконтента, представленного новыми медиа. Положение дел усугубляет возможность инициировать дискурс с непредсказуемым содержанием, отсутствие «редакционной опеки», механизмов (инструментов) фильтрации и верификации публикуемого материала. Делигируемые ранее редакционно-издательской группе функции по формированию повестки, анализу содержания информации, проверки ее актуальности и достоверности, целесообразности публикации остаются в новых медиа абсолютно невостребованными. Коммуникация при этом приобретает часто хаотичный, малопредсказуемый и лишенный внутренней цельности характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алгави Л. О., Аль-Ханаки Д. А. Термин «новые медиа» и его содержание в современной науке // Журналистика и общество : сборник науч. тр. / ред. Е. В. Мартыненко. М. : РУДН, 2014. № 16. С. 124–133.
2. Новые медиа // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/novye-media-eb906a> (дата обращения: 09.08.2024).
3. Быков И. А., Филатова О. Г. Технологии Веб 2. 0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2011. Вып. 2. С. 226–237.
4. Дукин Р. А. Феномен социальных медиа: проблема социологического осмысления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2015. № 4. С. 122–126.
5. Киреев П. С. Новые медиа в современном информационно-коммуникативном пространстве // Социология. 2010. № 2. С. 115–127. URL: http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/63381/pages%20Социология_2010_№2.115-128.pdf.pdf (дата обращения: 30.08.2024).
6. Назаренко А. Н. Понятие «медиа» в междисциплинарных исследованиях коммуникаций // Вестник СПбГИК. 2018. № 3(36) С. 68–73.
7. Носовец С. Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4(10). С. 39–47.
8. Отечественная теория медиа: основные понятия : словарь / под ред. Е. Л. Вартановой. М. : МГУ, 2019. 246 с.
9. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 104 с.

FORMATION OF THE CONCEPT OF NEW MEDIA IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE MEDIA SPACE

T. Yu. Rudnitskaya

The article considers the formation of the concept of “new media”. Conceptual inconsistency and terminological polyphony in media studies are revealed.

Media, new media, media platform, social media, Jurgen Habermas.

УДК 321

СПЕЦИФИКА ЦИФРОВОГО ДИСКУРСА МЕЖДУ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ, ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Е. А. Осипова

В данной статье рассматриваются цели и принципы молодежной политики в Российской Федерации. Представлен анализ основных целей молодежной политики, среди которых защита прав и интересов молодежи, обеспечение равных возможностей для ее развития и самореализации, а также стимулирование участия молодежи в различных сферах общественной жизни. Кроме того, обсуждаются принципы, на которых основывается молодежная политика в России, включая сбалансирование интересов личности, общества и государства, взаимодействие между различными уровнями власти, комплексный и стратегический подход, а также обязательное участие молодежи в формировании и реализации политики. Анализируются как положительные, так и отрицательные аспекты цифрового дискурса власти и общества для российской молодежи в современной цифровой эпохе.

Молодежная политика, Российская Федерация, цели, принципы, молодежь, социализация, воспитание, обучение, цифровой дискурс, интернет, социальные медиа.

В настоящее время происходят глобальные изменения в современном постиндустриальном обществе, связанные с широкомасштабным внедрением цифровых технологий во многие сферы человеческой деятельности. Информационная революция и интенсификация производства способствовали тому, что основным ресурсом социального и экономического развития ведущих стран мира стала информация. Формирование нового сетевого пространства, ставшего местом функционирования социоэкономических отношений, успехи цифровых технологий позволили научному сообществу говорить о возникновении нового глобального тренда – формировании цифрового общества [6, с. 111].

На современном этапе развития общества происходит значительное изменение в публичной сфере. Традиционный офлайн-диалог между властью (государством) и гражданским обществом постепенно уступает место онлайн-диалогу с использованием цифровых медиа. Этот диалог, проводимый через

интернет и социальные платформы, становится все более значимым и перемещается в цифровое пространство публичной сферы и публичной политики [3, с. 97]. В России появляется государственная программа «Информационное общество – государственная программа Российской Федерации, разработанная для создания целостной и эффективной системы использования информационных технологий, при которой граждане получают максимум выгод (утв. Правительством РФ № 1815-р от 20 октября 2010 г.) [9]. Целью данной программы является: получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе. Значительное влияние оказало электронное правительство, которое облегчало процесс получения услуг, расширило возможности политического участия. Принципы организации электронного правительства: ориентация на граждан, удобность и простота обслуживания, оперативное решение вопроса, быстрое исполнение, отчетность. С целью привлечения молодежи к участию в политической жизни страны – появляются блоги видных политических деятелей: официальная страница Президента РФ (<http://www.kremlin.ru>); интернет – общественные приемные, ежегодное общение через СМИ с президентом В. В. Путиным (<http://www.moskva-putinu.ru>), в сети контакт появляются официальные страницы государственных органов, губернаторов и т. д. В каждом регионе местные власти способствуют патриотическому воспитанию молодежи посредством открытия выставок, посвященным истории России; введение еженедельной церемонии поднятия флага и исполнения гимна», проведение классных часов «Мои горизонты». Активно используются дистанционные программы обучения и просвещения молодежи. Таким образом, данная политика способствует формированию в молодом поколении активной жизненной позиции и патриотизма [4].

Значительную роль в сфере электронного участия играет концепция делиберативности, которая подробно разработана в теории коммуникативной этики Ю. Хабермаса. Делиберативность рассматривается как повседневная практика политических онлайн-обсуждений, возникающих в связи с различными событиями и процессами в политической сфере на различных уровнях, будь то локальный, национальный или глобальный [7].

Основная цель делиберативности заключается в повышении гражданской активности, связанной с принятием решений по общественным вопросам, формировании характера коммуникации, ориентированной на граждан, а также в усилении роли гражданского общества и демократических отношений в обществе в целом.

Цифровой дискурс власти и общества играет значительную роль в социализации, воспитании и обучении российской молодежи. С развитием Интернета и социальных медиа, молодежь получает доступ к огромному объему информа-

ции и возможности выражать свои мысли и взгляды. Однако в этом цифровом пространстве присутствуют как положительные, так и отрицательные аспекты, которые могут оказывать влияние на молодежь (табл.).

Т а б л и ц а

Аспекты, которые оказывают влияние на молодежь РФ

Положительные аспекты	Отрицательные аспекты
1. Доступ к широкому спектру информации и образовательным ресурсам [8]. 2. Возможность выражать свои мнения и взгляды, участвовать в общественных дискуссиях [5, с. 35]. 3. Способствует развитию критического мышления и навыков анализа информации. 4. Создает возможность для обучения и самообразования в удобном формате	1. Риск информационной перегрузки и недостоверности источников [10]. 2. Возможность негативного влияния на психическое здоровье, включая зависимость от социальных медиа [4, с. 430]. 3. Угроза приватности и безопасности в сети, включая риск столкновения с вредоносным контентом и недобросовестными личностями. 4. Повышение уровня социальной анонимии и отчуждения при неправильном использовании цифровых технологий

Цифровой дискурс власти и общества формирует представления молодежи о социальных ролях, ценностях и нормах. С помощью социальных медиа и интернет-ресурсов молодежь может активно общаться и обмениваться мнениями с представителями различных культур и сообществ, что способствует их социализации в глобальном масштабе.

Цифровой дискурс власти и общества влияет на формирование ценностных ориентаций молодежи. Под воздействием различных медийных контентов, молодежь может принимать определенные модели поведения, которые могут быть как конструктивными, так и деструктивными для их развития и воспитания.

Одно из ключевых заданий состоит в том, чтобы обеспечить молодежи критический взгляд на цифровой дискурс власти и общества. Это включает в себя развитие навыков критического мышления, анализа информации, а также способности к самоконтролю и саморегуляции в цифровом пространстве. Также важно содействовать созданию платформ для конструктивного общения и обмена мнениями, где молодежь могла бы выражать свои идеи и участвовать в диалоге по вопросам, касающимся их будущего и общественной жизни.

Поэтому цели молодежной политики в Российской Федерации включают защиту прав и законных интересов молодежи, обеспечение равных возможностей для развития и самореализации, создание условий для участия молодежи в различных сферах общественной жизни, повышение межнационального и межконфессионального согласия, борьба с экстремизмом и другими негативными социальными явлениями, а также поддержка молодых семей для улучшения демографической ситуации [1].

Принципы молодежной политики включают в себя сбалансирование интересов личности, общества и государства, взаимодействие между различными уровнями государственной власти, комплексный и стратегический подход при формировании политики, открытость и равный доступ к государственной под-

держке для молодежи, приоритетность поддержки социально незащищенных групп молодежи, а также обязательное участие молодежи в формировании и реализации политики [2].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2024).
2. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2024).
3. Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества / А. В. Зайцев, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зябликов, А. А. Максименко // Социодинамика. 2023. № 10. С. 96–108.
4. Шахов Л. М. Положительное и негативное влияние интернета на социализацию молодежи // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Т. 2. Екатеринбург, 2019. С. 429–435.
5. Червонюк В. И. Свобода слова (свободное выражение мнений) в интернет-пространстве: конституционный объем и пределы, особенности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 33–36.
6. Guslyakova A. et al. The Language of Power in the Present-Day Digital Media Discourse and Its Effect on Young People's Consciousness // Space and Culture, India. 2020. Т. 8, № 2. С. 106–116.
7. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Cambridge: Polity Press, 1992.
8. Онлайн-образование (рынок России) // TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии : портал выбора технологий и поставщиков. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Онлайн-образование_\(рынок_России\)?clid=fbead26f](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Онлайн-образование_(рынок_России)?clid=fbead26f) (дата обращения: 13.03.2024).
9. Распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации „Информационное общество (2011–2020 годы)“» // ИПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99708> (дата обращения: 13.03.2024).
10. Фейк-ньюс – и как с ними бороться? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 13.03.2024).

SPECIFICITY OF DIGITAL DISCOURSE BETWEEN GOVERNMENT BODIES AND RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF SOCIALIZATION, UPBRINGING AND EDUCATION

E. A. Osipova

This article discusses the goals and principles of youth policy in the Russian Federation. An analysis of the main objectives of youth policy is presented, including the protection of the rights and interests of young people, ensuring equal opportunities for their development and self-realization, and stimulating youth participation in various spheres of public life. Additionally, the principles underlying youth policy in Russia are discussed, including balancing the interests of individuals, society, and the state, interaction between different levels of authority, a comprehensive and strategic approach, and the mandatory involvement of youth in shaping and implementing policy. The positive and negative aspects of digital discourse of power and society for Russian youth in the modern digital era are analyzed.

Youth policy, Russian Federation, goals, principles, youth, socialization, upbringing, education, digital discourse, internet, social media.

В статье рассматривается развитие средств методологического анализа изменения социальных отношений от Платона до четвертой промышленной революции.

Платон, А. Смит, К. Шваб, либеральная идеология, консервативная идеология, добродетель, четвертая промышленная революция, справедливость.

Диалог власти и общества предполагает их возникновение и осознание своей субстанциональности. Социальная философия изначально покоится на исследовании исторически сложившихся подходов и методов такого рода осознания сущности и природы этого диалога.

Общепринято, что, так называемая, первая революция в развитии человечества произошла десять тысяч лет назад при переходе от собирательства к земледелию. Здесь произошел «скачок в общественном развитии» из первобытнообщинной эпохи (общества племенного) к обществу политическому. Можно согласиться, что «главные признаки нового общества: 1) существование отдельной от народа публичной власти, располагающей специализированными и действенными средствами принуждения и подавления; 2) система постоянного и фиксированного по размерам налогообложения; 3) деление населения по территориальному, а не по родственному принципу» [5, с. 42].

Платон (428–347 до н. э.) был первым, кто предложил в рамках философского мировоззрения этому рациональное объяснение, поэтому с него начинается социальная философия. Объективным основанием существования власти, общества, социальных институтов и насилия он считает разделение труда. Предполагается, что в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения. Человек становится общественным, только приобретая соответствующие его положению в обществе добродетели: мудрость, мужество, самообладание и справедливость. То, что сейчас принято называть компетенциями или знаниями, умениями и навыками формируемыми системой образования в самом широком смысле слова. Европейская христианская философия добавила к этим кардинальным добродетелям еще три: веру, надежду и любовь.

Со второй половины XVIII века (1760–1840 гг.) по Европе, начавшись в Англии, прокатывается промышленная революция. Паровой двигатель, железные дороги – драйверы социальных изменений. Каков механизм и причины формирования новых, буржуазных по своей природе социальных отношений?

Адам Смит (1723–1790) начинает свой труд, «краеугольный камень классической политической экономии», «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) следующим образом: «Книга I: «Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его про-

дукт естественным образом распределяется между различными классами народа». Глава I: «О разделении труда»: «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусств, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда. Значение разделения труда для хозяйственной жизни общества в целом легче всего уяснить себе, если ознакомиться с тем, как оно действует в каком-либо отдельном производстве» [4, с. 10]. И далее: «Должен только заметить, что изобретение всех машин, облегчающих и сокращающих труд, следует, по-видимому, приписывать разделению труда. Люди скорее открывают более легкие и быстрые способы для достижения какого-либо результата, когда все внимание их умственных способностей направлено к одной лишь определенной цели, чем когда оно рассеивается на большое количество разных предметов» [4, с. 15].

Важно, что экономическая реальность по Адаму Смиту определяет политическую реальность в отличие от установки Платона. В XIX в. в рамках социальной философии идеалистические и материалистические модели будут объяснять реальность методом восхождения от абстрактного к конкретному предмету. Например, у тех же Платона и Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831), определяют разумная сознательная деятельность как рождение бытия из небытия или возникновение конкретного из абстрактного. У политэконома Адама Смита, исторического материалиста К. Маркса (1818–1883) и их сторонников конкретное экономическое бытие (производственное отношение) порождает конкретную форму общественного («классового») и индивидуального сознания. Во втором случае подлинная природа общества и власти есть то, что они представляют собой в данный момент.

Конкретные исследовательские методы, в рамках социологии, будут востребованы в конце XIX в. для объяснения и уже предсказания социально-экономических процессов так называемой второй промышленной революции: конец XIX – начало XX века (электричество, конвейер). С 1960 годов грядет третья промышленная революция компьютерная или цифровая. Полупроводники, а с 70-х – компьютеры и с 90-х – сеть Интернет так изменяют качество жизни большинства человечества, что на смену социальной философии и социологии, как разделам философии и, соответственно, науки придут социальная и политическая антропологии, социология семьи, социология науки и пр.

По мнению Клауса Шваба (р. 1938 г.), с нулевых годов нашего века можно говорить о «четвертой промышленной революции, опирающейся на цифровую революцию. Ее основные черты – это вездесущий и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» [6, с. 18]. Он утверждает, что в отличие от предшествующих революций она вызовет более серьезную трансформацию общества и глобальной экономики.

Можно согласиться с К. Швабом, что основными проблемами ограничивающими потенциал новой революции является то, что:

- существующий уровень управления и осознания текущих социальных изменений крайне низок. Результат – национальные и глобальные организационные структуры, необходимые для регулирования и распространения инноваций являются неадекватными либо полностью отсутствуют.
- отсутствует последовательная, позитивная и единая концепция на глобальном уровне, которая могла бы определить возможности и вызовы.

Как проблемы, стоящие перед экономистами (К. Шваб, на протяжении долгого времени, являлся модератором Всемирного экономического форума), для своего решения они, несомненно, требуют, как минимум новых профессиональных политэкономических инструментов. Но могут ли они (экономисты) выработать, вообще, единую социально-антропологическую концепцию? Для этого, как минимум, им нужно будет отвечать на вопросы: «что такое человек?»; как соотносятся социальные изменения и традиционные ценности? Как соотносятся цель и средства деятельности конкретного человека, общества, власти? Известная нам история западной мысли показывает, что «позитивной единой концепции», при всем желании, разработать не удавалось.

Например, «пытаясь понять и истолковать переживаемую им изменчивость социального мира, Платон сумел чрезвычайно подробно разработать систематическую историцистскую социологию. Существующие государства он считал вырождающимися копиями неизменной формы или идеи государства. Он сделал попытку реконструировать эту форму или идею или, по крайней мере, описать общество, которое походило бы на нее возможно больше» [3, с. 88]. Деградирует, с этой точки зрения прежде всего человек, поэтому государство должно заботиться о его душе. Примером деградациии служит проповедь некоторыми согражданами космополитизма (читай демократии).

С XIV–XVI вв. краеугольные камни католической идеологии: духовная и физическая нищета, безбрачие и послушание все меньше влияют на социальную жизнь Европы. Борьба с ересью приобретает перманентный ожесточенный характер. Уже в период развития первой промышленной революции средневековое религиозное мировоззрение переживает реформацию. Протестантизм отказывается от абсолютизма и объясняет худо-бедно рост благосостояния, идею «просвещения» и «прогресса» в целом. Однако возникающие светские элиты в основном группируются и развиваются, условно говоря, в трех направлениях: либерализм, консерватизм и социализм.

«Существительное (а не прилагательное) «либерал» (синоним «друзья реформ», «якобинец»), возможно, первый раз было использовано в 1810 году. В 1813 году в Испании создается либеральная партия» [1, с. 4]. Либертарианство и классический либерализм – родственные политические течения, имеющие одну и ту же цель: установление общества, строящегося на принципах свободного рынка и максимально возможного невмешательства государства в жизни людей. «Либерализм провозглашал себя универсалистским. Будучи уверенными в себе и в истине этого нового мировоззрения современности, либералы стремились пропагандировать свои взгляды и вводили логику своих воззрений

во все социальные институты, тем самым избавляя мир от «иррациональных» пережитков прошлого» [1, с. 8].

Либеральная идеология культивирует веру в то, что сознательные (рациональные) длительные реформы приведут все большее количество людей к более высокому качеству жизни, говоря современным языком. Своей популярностью термин «либерализм» в общественном мнении прозападного мира обязан многим факторам. Он одновременно воплощает и «метафизику добропорядочного общества» и требование народного суверенитета и «центр», уравновешивающий поползновения в левый и правый экстремизм.

Термин «консервативный» появляется 1818 году. Консервативная идеология формируется изначально как реакция на разрушительные политические изменения, происходящие после Французской революции. Не без основания они считали, что она разрушила эволюционное развитие «естественных» социальных сил.

«Главной чертой является склонность довольствоваться тем, что есть, а не желать чего-то иного и не стремиться к иному; я имею в виду способность радоваться настоящему, а не прошлому или будущему. Благодаря судьбу за настоящее, консерватор может прийти к выводу, что этот дар, это наследие получено им от прошлого, но осознание этого не заставит его поклоняться прошлому, тому, чего уже нет, как некому идолу...: девиз его – не Побудь со мной, ты так прекрасен, а Побудь со мной, потому что я к тебе привязан» [2, с. 65].

С 1848 года радикальным крылом либерализма становятся социалисты. Идеология социалистов (коммунистов, анархистов, маоистов) – ускорение хода общественного развития. Ускорение движения к прогрессу путем бескомпромиссной борьбы с его противниками – прежде всего, по их мнению, консерваторами.

Вместо суверенитета абсолютного монарха эти идеологии объявляют суверенитет «народа». Народ – субъект истории. Для либерала народ это сумма всех так называемых «свободных личностей», каждая из которых имеет политические, экономические и культурные права. Для социалистов – все члены «общества». Для обеих цель – формирование нового человека, космополита по своей природе. Консерватор более конкретен. Народ – это моя семья, церковь, государство, нравственные, эстетические и прочие ценности. То, что можно назвать образом жизни.

Адам Смит – икона либерализма, как и К. Маркс – социализма. Платон – такого же уровня консерватор. Именно в этом качестве они фигурируют в статье. Можно ли проследить действие этих идеологий при анализе социальной реальности сопутствующей «четвертой промышленной революции опирающейся на цифровую революцию»?

Принципиально ничего не изменилось в идеологическом раскладе в отношении человека к государству как носителю власти. Да, цифровые технологии позволяют властям на любом уровне выстраивать и осуществлять управление в экономике и социальной сфере. Но предполагается, как было показано,

что как минимум с первой промышленной революции, описанной А. Смитом, «подлинная природа общества и власти есть то, что они представляют собой в данный момент». Власть вынуждена в своих решениях либо форсировать некоторые социальные процессы, принося в жертву материальные и духовные потребности отдельных добропорядочных граждан, социальных групп, социальных институтов, стран, либо преследовать реформаторские или революционные идеи и их носителей. Это проявления радикального либерализма (социализма) либо – радикального консерватизма (национал-социализма, монархизма). Оценка происходящего зависит от того на какой стороне мы находимся и насколько это затрагивает наши интересы (образ жизни). Проще говоря, власть стимулирует мои, наши интересы или игнорирует их. Например, современная санкционная политика, разрушающая и одновременно созидаящая социальные отношения, вроде бы имеет под собой рациональную основу, но ее реализация, как видим, приводит в недоумение самих авторов этой политики, а многие социальные общности толкают в непредсказуемое будущее.

В обозримом историческом прошлом радикальные глобальные социальные сдвиги всегда происходили. Мы называем их мировыми войнами, революциями, переселением народов. Основная их черта – массовая гибель, людей, народов, культур. Что нам грозит и сейчас. Основная социальная проблема и прошлого и настоящего и, скорее всего, будущего – в необходимости принятия решения на основе рациональных данных (сейчас «цифры») и невозможности на их основе предсказать последствия.

Современный способ материального производства, включая цифровизацию, улучшает качество жизни человека. Однако, введенная Платоном в рамках социальной философии справедливость как добродетель, распространяющаяся на каждого свободного гражданина недостижима. Вероятно потому, что она не является предметом рационального способа рассматривания, а исключительно смыслом образом жизни конкретного человека.

В современной работе «Теория справедливости» (1971 г.) Дж. Ролз (1921–2002), по его мнению, предлагает новый подход к традиционной теории общественного договора, развиваемой Локком, Руссо и Кантом. Предполагается рассматривать его как альтернативный утилитаристскому (либеральному) подходу Д. Юма, А. Смита, Милля и Бентама. Методологически, рациональному дискурсу основанному на логике и свободе воли Дж. Ролз противопоставляет «справедливость как честность». Справедливость выражается нарративом и лежащим в его основании иррационализмом. Традиция и идеология консерватизма не исключаются. Методология платоновская, а традиция и консерватизм, конечно, американские.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 4. Триумф центристского либерализма, 1789–1914 / пер. с англ., литер. редактор, комментатор Н. Проценко. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с. : ил.

2. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / И. И. Мюрберг, Е. В. Касилова, Ю. А. Никифоров ; ред. Л. Б. Макеев, А. Б. Толстов. М. : Идея-Пресс, 2002. 286 с.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона : пер. с англ. / под ред. В. Н. Садовского. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. М. : АСТ, 2021. 960 с.
5. Социально-экономические отношения и соционормативная культура: свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. А. И. Першиц. Д. Трайде. М. : Наука. 1986. 248 с.
6. Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М. : Эксмо, 2018. 288 с.

SOCIAL ANTHROPOLOGY IN THE DIGITAL WORLD

V. N. Tarkovsky

The article examines the development of tools for methodological analysis of changes in social relations from Plato to the Fourth Industrial Revolution.

Plato, A. Smith, K. Schwab, liberal ideology, conservative ideology, virtue the fourth Industrial Revolution, justice.

УДК [070.11+349+004.9]

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ МЕДИАСРЕДЕ

О. В. Третьякова

В статье характеризуется нормативное регулирование цифровых массмедиа, их роль в диалоге власти и общества, обозначаются проблемы правового регулирования Интернета.

Цифровая медиасреда, диалог власти и общества, массмедиа, социальные сети, нормативное регулирование.

В исследованиях взаимодействия власти и общества можно выделить несколько блоков вопросов. Первый непосредственно связан с изучением способов взаимодействия органов власти и органов местного самоуправления с населением. Традиционно используются следующие способы: опросы граждан; общественные (публичные) слушания; ТОС (территориальное общественное самоуправление); сход (собрание или конференция граждан) и др.

Второй блок вопросов – развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и связанные с ними инновационные способы взаимодействия власти и общества. Это электронное управление (электронное правительство); электронное голосование; сайты органов власти в Интернете, мобильные приложения, аккаунты в социальных сетях; электронная гражданская инициатива (онлайн-петиции) и т. п.

Третий блок вопросов может быть посвящен взаимодействию власти и общества с помощью СМИ. В ст. 38 Закона РФ «О средствах массовой инфор-

мации» говорится о том, что граждане имеют право на оперативное получение достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц через СМИ, а должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах.

Изучение новых, цифровых форматов коммуникации между властью и обществом требует обращения к четвертому блоку исследований – диалогу власти и общества в цифровой медиасреде. Традиционные СМИ в российском политическом пространстве уступили место цифровым медиа, которые, безусловно, требуется регулировать. Так появляется пятый блок вопросов: нормативное регулирование взаимодействия власти и общества, т.е. нормы и правила, которые воздействуют на такой диалог. Государство устанавливает правовые нормы, а от профессиональной среды исходит этическое и административно-производственное регулирование [2, с. 138]. Рассмотрим некоторые аспекты правового регулирования, так как профессионально-этические нормы требуют отдельного подробного анализа.

Существует ряд законов и подзаконных актов, регулирующих правоотношения в сфере информации, информационных технологий и осуществление гражданами права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (основной из них – ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» обеспечивает открытость государственных органов и органов местного самоуправления с помощью ИКТ. ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» определяет механизмы обратной связи – работу с заявлениями, обращениями, жалобами, предложениями граждан в органы власти.

Многочисленные указы президента и постановления правительства РФ направлены на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, исполнение полномочий органов власти в электронной форме, в том числе предоставление услуг гражданам и организациям и предоставление доступа к информации о деятельности органов государственной власти. Кроме этого, исследователи выделяют формы информационного взаимодействия, инициаторами которых выступает не государство, а население. Например, сетевая коммуникация граждан и коллективное обсуждение социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме онлайн; формирование онлайн-сообществ, включающие планирование и реализацию гражданских инициатив и проектов коллективных действий [3, с. 30]. Следует отметить, что механизмы сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая обратную связь и гражданский контроль за деятельностью органов власти, нормативными правовыми актами не регулируются.

Понятие «социальная сеть» введено в российское законодательство 1 февраля 2021 года, когда вступила в силу ст. 10.6 Федерального закона «Об

информации, информационных технологиях и о защите информации» Социальная сеть определена как интернет-ресурс, который используется его пользователями для распространения информации на созданных ими персональных страницах, на котором может распространяться реклама, и доступ к которому в течение суток составляет более 500 тысяч пользователей сети Интернет, находящихся на территории РФ. Также соцсеть предусматривает доступ неограниченного круга лиц и возможность комментировать опубликованное.

Статью 10.6 называют «законом о самоконтроле социальных сетей», в соответствии с которым интернет-площадки сами обязаны модерировать, выявлять и блокировать запрещенную информацию, точный перечень которой указан в этом законе. Под запрет попадает информация, целью которой является опорочить граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии и другим признакам. Государство также ограничивает доступ к информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам РФ, Конституции РФ или органам, осуществляющим государственную власть в РФ». То же касается информации, содержащей призыв к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, фейков, информации о наркотиках, суицидах, пропаганде ЛГБТ и пр.

Специальное законодательство в области Интернета в России отсутствует. Однако по разным законам и подзаконным актам «разбросаны» поправки, которыми законодатели пытаются разрешить конкретные проблемы, связанные с нарушениями в Сети. (Исследователи называют это «в режиме заплаток».) В основном это касается киберпреступности: детской порнографии, нарушений авторских прав в Интернете, экстремистских материалов, электронной коммерции, нарушения прав потребителя, электронных расчетов, разглашения персональных данных. Как правило, доступ к незаконному контенту закрывается по требованию правоохранительных органов, органов прокуратуры или по решению суда. Специальными правами в указанной области наделен Роскомнадзор.

Статья 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает основания для включения сайтов в автоматизированную базу данных – Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой запрещено. Роскомнадзор может применять к таким сайтам досудебную блокировку.

Средства массовой информации также являются акторами цифровой медиасреды. Сеть используется для распространения сообщений, как получаемых журналистами, так и создаваемых журналистами. Появились понятия «традиционные СМИ» и «новые медиа». В соответствии со ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации» сетевое издание – сайт в сети «Интернет», зарегистри-

стрированный в качестве СМИ. Права и обязанности зарегистрированных изданий (как офлайн, так и онлайн) зафиксированы в законодательстве о СМИ.

Сайт в Интернете, не зарегистрированный в качестве сетевого издания, средством массовой информации не является. Лица, допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации через сайты, не зарегистрированные в качестве СМИ, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательством РФ без учета особенностей, предусмотренных законом о средствах массовой информации.

У редакций СМИ часто возникает вопрос, несут ли они ответственность за комментарии читателей и зрителей на сайте издания или телеканала. Ответ содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 2010 года о практике применения судами закона о СМИ. В нем указано, что если на интернет-сайте, зарегистрированном в качестве СМИ, комментарии читателей размещаются без модерации (предварительного редактирования), то сетевое издание освобождается от ответственности, как редакция телепрограммы или радиоканала освобождается от ответственности за сведения, транслируемые в прямом эфире, без предварительной записи [3]. Из этого следует, что редакция сайта, зарегистрированного как СМИ, может быть привлечена к ответственности, если комментарий публикуется после модерации его сотрудником сайта.

Если же интернет-версия СМИ не зарегистрирована в качестве СМИ, ответственность за распространение информации в Интернете, как и в других случаях, несут владельцы доменного имени (как правило, это сама редакция интернет-СМИ); автор; блогер, если он сам автор текста со спорными сведениями; автор комментария или страницы в соцсетях; ресурс, разместивший гиперссылку, то есть указавший путь к сомнительной информации [1].

Деятельность блогеров специальным законодательством не урегулирована. Нет правового понятия «блогер», нет законодательных требований к блогеру, кроме требований самой социальной сети, в которой создан его аккаунт, и требования закона к социальным сетям. И блогеры, и журналисты все чаще используют для выполнения функций по сбору и обработке информации, а также для написания текстов нейросети. Создание журналистских произведений с применением искусственного интеллекта вызывает споры о том, кто является правообладателем таких произведений, и кто должен нести ответственность за возможные нарушения законодательства. Общество, эксперты, бизнес и законодатели пока так и не пришли к единому мнению, и споры разрешаются в судебном порядке.

Таким образом, политическая коммуникация осуществляется в наше время преимущественно в Интернете. Цифровые технологии занимают важное место в общественной жизни общества, в организации взаимодействия власти и населения, в том числе через онлайн-СМИ, социальные сети и блогеров. Очевидно, что отрегулировать цифровое пространство, в том числе цифровую медиасреду – задача очень сложная. И тем не менее множество правовых источ-

ников регулирования цифровой медиасреды требует создания единого нормативного документа, направленного на регулирование интернет-отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арапова Г. Дискуссии о приравнивании некоторых сайтов к СМИ связаны со стремлением регулировать Интернет // Фонд «Центр защиты прав СМИ» : офиц. сайт. URL: <https://mmdc.ru/blog/2011/11/23/smi5> (дата обращения: 16.04.2024).
2. Корконосенко С. Г. Нормативное регулирование политической журналистики // Политическая журналистика : учебник для вузов / под ред. С. Г. Корконосенко. М. : Юрайт, 2024. С. 138–162.
3. Телешина Н. Н. Современные формы взаимодействия населения и органов власти // Государство и право: теория и практика. 2013. № 12. С. 30–36.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401 (дата обращения: 16.04.2024).

STATUTORY REGULATION OF GOVERNMENT-SOCIETY INTERACTION IN THE DIGITAL MEDIA ENVIRONMENT

O. V. Tretyakova

The article characterizes the statutory regulation of digital media, their role in the dialogue between government and society, and identifies the problems of legal regulation of the Internet.

Digital media environment, dialogue between government and society, mass media, social media, statutory regulation.

УДК 316.32

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

A. B. Zaitsev

В статье рассматривается перспективы институционализации интернет-диалога как ведущей цифровой технологии в процессе инновационных коммуникаций власти в сфере современной публичной сферы российского социума.

Диалог, цифровизация, интернет-коммуникации, цифровая публичная сфера, дискурс, власть, общество, цифровые платформы.

В настоящее время инновационные цифровые технологии проникают во все сферы нашей жизни, и политика, в первую очередь публичная политика, не является исключением [1]. Цифровизация диалога власти и общества открывает новые возможности для развития и улучшения взаимодействия между государственными органами и гражданами. Одной из основных причин, почему цифровизация диалога власти и общества стала актуальной, является стремитель-

ное развитие информационных и коммуникационных технологий. Сегодня практически каждый гражданин имеет доступ к интернету и смартфону, что позволяет ему быть постоянно связанным с миром и получать информацию в режиме реального времени. Это создает уникальные возможности для взаимодействия с властью и выражения своего мнения. Одним из примеров цифровизации диалога власти и общества являются электронные голосования.

В современном информационном обществе цифровые технологии играют все более важную роль во всех сферах жизни. Они не только упрощают нашу повседневную жизнь, но и оказывают значительное влияние на политические процессы. Одной из ключевых аспектов этого влияния является цифровой диалог между властью и обществом. Цифровой диалог представляет собой процесс обмена информацией и мнениями между государственными органами и гражданами с использованием цифровых платформ и других коммуникативных механизмов и инструментов. Он открывает новые возможности для взаимодействия и обсуждения важных социально-политических вопросов. Одним из основных преимуществ цифрового диалога является его доступность и масштабность, позволяющего агрегировать значительное количество мнений и точек зрения.

Благодаря интернету, социальным сетям и цифровым платформам граждане имеют возможность высказывать свои мнения и предложения по различным вопросам, а власть может получить эффективную обратную связь от населения. Это позволяет учитывать интересы и потребности граждан при принятии решений [2].

Кроме того, цифровой диалог способствует повышению прозрачности и открытости власти. Государственные органы могут предоставлять информацию о своей деятельности, планах и результатах работы, а граждане могут следить за этим, задавать вопросы и получать ответы на них. Это помогает укрепить доверие между властью и обществом и снизить коррупцию [3].

Однако цифровой диалог также имеет свои ограничения и вызывает определенные проблемы. Например, не все граждане имеют доступ к интернету и цифровым технологиям, что может привести к искажению общественного мнения. Кроме того, в сети распространяется много дезинформации и фейковых новостей, что затрудняет объективное обсуждение и принятие решений. Для успешного развития цифрового диалога необходимо учитывать эти проблемы и принимать соответствующие меры. Власть должна обеспечить доступность интернета и инклюзивность цифрового диалога на базе инновационных интернет-технологий для всех категорий населения, а также проводить информационные кампании по борьбе с дезинформацией и фейками.

Цифровой диалог власти и общества является не только важнейшей социально-политической категорией, которая способствует развитию демократии и укреплению гражданского общества, но и все более расширяющейся повседневной intersубъективной практикой взаимодействия граждан и органов власти. Транспарентный цифровой диалог открывает новые возможности для взаимодействия и делиберации (обсуждения), повышает степень прозрачности,

доступности и открытости власти. В современном обществе онлайн-взаимодействие между властью и обществом является неотъемлемой частью демократического процесса. Однако для эффективного функционирования цифровой демократии и цифрового государства необходимо не только наличие диалога, но и его институционализация.

Институционализация интернет-диалога власти и общества в сфере публичной политики является актуальной и важной темой в современном информационном обществе. Дело в том, что прочная институционализация интернет-диалога власти и общества в сфере публичной политики означает создание и развитие специальных механизмов и структур, которые обеспечивают устойчивое и эффективное функционирование этого процесса. Она включает в себя разработку соответствующих правовых и организационных основ, а также формирование специальных платформ и инструментов для проведения интернет-диалога. Институционализация интернет-диалога имеет ряд преимуществ.

Во-первых, она способствует укреплению доверия между властью и обществом, так как обеспечивает прозрачность и открытость процесса принятия решений.

Во-вторых, она позволяет учесть мнение и интересы различных групп населения, что способствует более качественному принятию решений.

В-третьих, она способствует повышению эффективности государственного управления, так как позволяет оперативно получать обратную связь от граждан и адаптировать политику к их потребностям.

В целом, институционализация интернет-диалога власти и общества в сфере публичной политики является важным шагом в развитии демократического общества. Она не только способствует укреплению доверия и взаимопонимания между государством и гражданами, но, также, повышает легитимность и качества принимаемых решений по узловым проблемам внутренней политики современной России [4]. Предоставление гражданам доступа к информации о работе государственных органов и использование ее для анализа и контроля – это важный шаг в направлении роста уровня прозрачности и открытости власти в сфере публичной политики.

Создание устойчивых и формализованных механизмов общения и взаимодействия между властью и обществом способствует учету интересов всех участников и созданию условий для конструктивного диалога [5]. Институционализация диалога требует постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям, а также обеспечения независимости и достаточных ресурсов для работы органов, отвечающих за организацию диалога. Институционализация диалога власти и общества не является единоразовым процессом. Она требует постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям. Важно, чтобы институции, отвечающие за организацию диалога, были относительно независимы от государства и имели необходимые ресурсы для своей автономной работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества / А. В. Зайцев, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зябликов, А. А. Максименко // Социодинамика. 2023. № 10. С. 96–108.
2. Зайцев А. В. Институционализация диалога государства и гражданского общества в сфере публичной политики современной России : дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2017. 431 с.
3. Диалог власти и общества: от офлайн-коммуникации к онлайн-дискурсу в цифровом публичном пространстве : монография / А. В. Зайцев [и др.]. Кострома, 2023. 184 с.
4. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть – общество» / А. А. Максименко, А. В. Зайцев, О. С. Дейнека, А. В. Зябликов, Ф. Т. Ахунзянова // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 2(127). С. 217–241.
5. Народное голосование как форма онлайн-диалога власти и общества / А. В. Зябликов, А. А. Максименко, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зайцев // Право и политика. 2023. № 12. С. 9–26.

DIGITAL TECHNOLOGIES AND PROSPECTS FOR INSTITUTIONALIZATION OF INTERNET DIALOGUE BETWEEN AUTHORITIES AND SOCIETY: CONDITIONS AND PROSPECTS

A. V. Zaitsev

The article examines the prospects for institutionalizing Internet dialogue as a leading digital technology in the process of innovative communications of authorities in the modern public sphere of Russian society.

Dialogue, digitalization, Internet communications, digital public sphere, discourse, power, society, digital platforms.

Раздел 2

Социально-философские, экстралингвистические и теоретико-методологические проблемы цифровизации дискурса власти и общества

УДК 32:004.738.5

ЦИФРОВАЯ ЦЕНзуРА ИЛИ СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОБЩЕСТВЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

В. Н. Базылев

В статье рассматривается феномен цензуры, представленной как фрагмент идеологии и культуры в отличие от лингвистической экспертизы как фрагмента права. Анализируются изменения цензурной практики, особенности диалога власти и социума по вопросам свободы слова. Показана актуальность проблемы в условиях современного информационного общества.
Цензура; лингвистическая экспертиза; власть; культура; общество.

Современные масс-медиа предлагают адресату-потребителю практически неограниченный объем информации. Объективная, соответствующая действительности информация соседствует с недостоверной. Это происходит сознательно или по «недосмотру» редакции, которая решила сэкономить на фактчекинге. Но это может быть и дезинформация, публикуемая с целью ввести адресата в заблуждение. Эта реальность. Прежде всего, реальность языковая. Действительность социального использования языка, наличная языковая среда, в которой человек говорящий создает ноумены, являющиеся, по словам А. Ф. Лосева, не прямым отражением совокупной реальности, а виртуально преобразованным ее отражением [7].

Именно с данной языковой реальностью сталкивается сегодня российская система права, когда пытается реагировать на «вызовы времени». По мере эволюции постсоветского общества в российское правовое поле стали попадать противоправные деяния, которые, хотя и имели место в советскую эпоху, то казались, если и не единичным, то весьма маргинальным с точки зрения советского права в целом. Речь идет о так называемой антисоветской деятельности: будь то диссидентское движение 60–70-х годов как разрозненные проявления независимой гражданской и культурной инициативы, или показательные процессы, связанные с именами Довлатова, Синявского и Даниэля.

Сегодня же, с одной стороны, государственная политика и идеология сталкиваются с массивной информационно-идеологической войной, несравнимой по своим масштабам и техническим возможностям середины прошлого века [6]. С другой – с отсутствием эффективных правовых механизмов противодействия противоправной деятельности, характеризующейся эффектом массовизации в связи с наличием техническими возможностями пропагандистской деятельности.

Речь идет о том, что более или менее эффективно работавший в советский период механизм цензуры был выведен из общественного оборота, не будучи замещенным каким-либо иным правовым или институциональным механизмом. При этом та цензура находилась вне собственно правового поля [1]. Вне системы права (уголовного, административного или гражданского) была самоцензура человека и гражданина, пишущего и говорящего, редакторская цензура (по сути – внутренняя цензура сообщества журналистов, писателей, ученых и пр.), идеологическая цензура партийных органов при том, что партия (как сказано в Уставе КПСС) была пусть и «высшей», но всего лишь «формой общественно-политической организации». Даже Главлит был органом государственного управления и не имел отношения к судебной системе, так как суд был и оставался самостоятельным органом государственной власти.

Цензура и право изначально исторически соотносятся с различными ветвями власти и управления государством и обществом. Однако в некий исторический момент эволюции общества цензура была упразднена. При этом проблемы противоправной деятельности, как ее понимала и понимает система права, не исчезли и не могли исчезнуть. В первую очередь, как считает Ю. С. Степанов, анализируя философски-концептуально понятие закона и права в России и в русском сознании, «это касается правовой оценки деятельности членов гражданского общества, которые открыто спорят с официальными доктринами в тех или иных областях общественной жизни <...> ибо закон (здесь этим Степанов цитирует Вл. Даля) – предел, постановленный свободе воли или действия; неминуемое начало, основание, правило, постановление высшей власти» [10, с. 629].

Судебная система, как и цензура, исходящая из понимания предела свободы действия, должна была заполнить создавшийся вакуум. Что и было выполнено в атмосфере 90-х с ее запредельным обострением угроз существованию стабильности общества: угрозы и теракты, потоки оскорблений личности в СМИ, экстремизм и национализм, ложь и клевета, порнография и мошенничество. Тут и проявились основные противоречия, обусловленные смещением права и идеологии. Дело в том, что цензура как фрагмент системы запретов и ограничений в области идеологии – субъективна и вненаучна, не имея отношения к системе судопроизводства. Лучше всего это описал А. Твардовский в поэме «Тёркин на том свете»: *Весь в поту, статейки правит,|| Водит носом взад-вперед|| То убавит, то прибавит,|| То свое словечко вставит,|| То чужое зачеркнет.|| То его отметит птничкой,|| Сам себе и Глав и Лит,|| То возьмет его в кавычки,|| То опять же оголит.*

В то время как экспертиза в качестве фрагмента системы запретов и ограничений в области права – объективна, научна, и в соответствии с законом «основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники» [11].

Проблема смешения была вызвана еще тем, что марксистско-ленинская философия, на которой (при всех неоднозначных ее оценках) формировалась советская система права, также была отменена в конце 80-х. Ее место занял позитивизм. Правда, в отечественной его адаптации [5, с. 7–8]. По этому поводу И. Т. Касавин философски заметит: «При экспертизе речь идет не о соответствии знания реальности или об истине, но о проверке средств и условий деятельности с точки зрения социальных конвенций; экспертиза в идеале – это открытая, демократическая дискуссия и оценка определенной деятельности и ее результатов, предполагающая их обстоятельное описание, анализ, реконструкцию и социальный прогноз по поводу содержащихся в ней субъективных элементов и связанной с этим ответственности» [4, с. 239].

Воспринятая некритично смена цензуры на экспертизу в 90-х годах, привела сразу же к самым негативным последствиям в сфере криминалистики (по ведомству которой вначале и была отнесена судебная лингвистическая экспертиза), в ведение которой было передано в основном все, что ранее регулировалось аппаратом цензуры. Ключевую роль при этом призваны были играть эксперты-лингвисты. Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как типично постмодернистскую: пытаюсь синтезировать и апробировать все известные подходы в мировой и отечественной экспертной практике, эксперты-лингвисты механически переносили и синтезировали все известные им по западным учебникам подходы, зачастую не целиком, а их обрывки, цитаты, что превратило в конечном итоге теоретическую и практическую базу современной отечественной лингвистической и автороведческой экспертизы во фрагментарную и мозаичную структуру, в некий коллаж.

Это вызвало, в свою очередь, целую серию контrovers. С одной стороны, в ведение лингвистической экспертизы были переданы дела по оскорблению, угрозе личности, ненормативном употреблении русского языка в СМИ, затем – дела по экстремизму и терроризму, дела по возбуждению национальной ненависти. С другой, в поле зрения лингвистов-экспертов оказались вопросы оскорбления религиозных чувств верующих, диффамационные публикации, фейки. В конечном итоге эксперт-лингвист должен был отвечать на конгломерат вопросов, связанных и с лингвистикой, и с социологией, и с религиоведением, и с идеологией. Все это философски, со ссылкой на классиков XX века, обосновывается тем, что метафизические и гносеологические проблемы решаются в свете лингвистического поворота XX века не путем изучения мира или структур сознания, а посредством анализа языка.

Все возрастающая дискретность объектов исследования закономерно вела к попыткам освоить все новые и новые методики анализа языкового материала: в ход пустили герменевтику и психосемантику, концептологию и гендерологию, стилеметрию и теорию идиостиля автора, психолингвистику и социолингвистику, теорию коммуникации и теорию речевых актов, риторiku, лингвокультурологию и лингвоперсонологию, когнитивистику и прагматику [2, 3].

В итоге и судьи, и прокуроры, и адвокаты, и сами эксперты получили ту самую классическую гегелевскую «дурную бесконечность» (*das-Schlecht-Unendliche*), которая в процессуальной практике и в судопроизводстве привела, в конечном итоге, по меткому замечанию Е. В. Новожиловой, к тому, что «деятельность в сфере юрислингвистических исследований сегодня подобна игральному автомату: стороны судебного разбирательства могут вновь и вновь дергать его ручку, инициируя повторное исследование в надежде получить устраивающий их результат» [8, с. 486].

Следствие этого – непонимание со стороны общества и отсутствие адекватного разъяснения со стороны судебной системы принимаемых решений относительно резонансных событий, например, в области культуры.

Начиная с приснопамятного «дела Pussy Riot» вплоть до «дела Скочилenco», «штрафа телеканалу Aiva за трансляцию клипа певца Сергея Лазарева» и «дела о клипе Николая Баскова «Странник», со следующими формулировками из решения суда: «Музыкальный видеоклип как рассказанная история отношений лирического героя (лица мужского пола) и лица мужского пола происходит на фоне атмосферы гедонизма и разврата, что реализуется преимущественно с помощью неоднократных сцен невербального чувственного взаимодействия двух лиц одного биологического пола (женского) в сексуальном контексте. Отношения лирического героя с лицом мужского пола позиционированы как обладающие особым личностным смыслом, содержат коммуникативные признаки романтического межличностного отношения. При этом взаимодействие лирического героя с лицом женского пола носит отстраненно созерцательный характер»¹.

Напомним о «деле спектакля «Финист Ясный Сокол», по поводу которого эксперты отметили: «В представленных материалах содержатся признаки следующих деструктивных идеологий: идеологии ИГИЛ (запрещенная на территории РФ террористическая организация), включающей в себя идеологию джихадизма, идей перманентного насилия, в том числе революционного, и признания джихада как шестого столпа ислама, что сакрализует насильственные действия и вменяет их мусульманам как обязательные; идеологии халифатизма – идеи построения всемирного исламского государства; идеологии исламизма или мусульманского освобождения. А также признаки деструктивной субкультуры русских жен-неофилок террористов, экстремистов, субкультуры так называемого русского ислама. В материалах спектакля «Финист Ясный Сокол», постав-

¹ URL: https://dzen.ru/a/ZYR7teDLJ1LL_xrN (дата обращения: 14.05.2024).

ленного Беркович, выделяются признаки идеологии радикального феминизма и борьбы с андроцентричным общественным укладом России»¹.

Справедливости ради укажем на то, что данная экспертиза, выполненная в рамках так называемой деструктологии, была раскритикована авторитетным правовым органом – Российским федеральным центром судебных экспертиз при Минюсте России, который «назвал ненаучной «деструктологическую» судебную экспертизу, так как такой экспертизы как вида (рода) не существует <...>; деструктология не является наукой или какой-либо областью техники, искусства или ремесла, которые понимаются российским законодательством «под специальными знаниями <...>; заключение эксперта должно основываться на положениях, которые позволяют «проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»².

Почему-то в памяти при этом невольно всплывают воспоминания о «синдроме Вертера», когда в университете проходили «Страдания молодого Вертера» Гете и «Бедную Лиза» Карамзина: непредсказуемое влияние художественной литературы, которая до сих пор считается классикой, на молодое поколение, вызвав феномен массового самоубийства. Да и об эффекте Стрейзанд – Горина социальные психологи советуют не забывать.

Сама объективная реальность свидетельствует о том, что система права не может (да и не должна) заниматься несвойственными ей в рамках культурообразующих задач государства функциями, которые исторически оказываются закрепленными за цензурой. Отсюда неизбежное, пока стихийное, восстановление цензуры, которое мы наблюдаем сейчас.

Для начала – самоцензуры. Так, в апреле 2024 года издательство АСТ направило своим партнерам информационное письмо, в котором говорится об отзыве серии книг из продажи в связи с тем, что в текстах имеются признаки, подпадающие под ст. 6.21 КоАП РФ (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних). Уточняется, что распространитель самостоятельно несет риски, связанные с распространением указанных книг³.

В январе 2024 года формируется движение «Не спи» («Народного единого союза потребителей информации»). Образуются общественные инициативные группы, например, группа общественников во главе с писательницей Ольгой Усковой, отслеживающая на электронных площадках распространение продукции, содержащей (по мнению участников группы) ЛГБТ-пропаганду и детского насилия.

Планируется создание на базе Российского книжного союза экспертного центра для оценки книжных изданий (за исключением учебных, нормативных и официальных) на соответствие российскому законодательству. В его состав войдут, как предполагается, представители Роскомнадзора, Российского воен-

¹ URL: <https://www.fontanka.ru/2023/05/05/72278702> (дата обращения: 14.05.2024).

² URL: https://dzen.ru/a/ZJ77lL2X0VrQ00Fh?from_site=mail (дата обращения: 14.05.2024).

³ URL: <https://dzen.ru/a/ZieZfvBkNEdYAK-b> (дата обращения: 14.05.2024).

но-исторического общества, Русской православной церкви, Духовного управления мусульман России, Федерации еврейских общин России, а также и других учреждений и организаций. При этом официально оговаривается, что заключение экспертов будет носить рекомендательный характер, тогда как окончательное решение о судьбе таких книг станет принимать издатель. Хотя, почему экспертов, а не цензоров. Или пока что слово воспринимается в культуре как архаизм?

Речь идет сегодня и о самоцензуре людей, имеющих доступ к масс-медиа. Николай Лудников, главный редактор газеты «Колокол Севера», член Общественной наблюдательной комиссии Республики Коми напишет так: «И вот я, как журналист и общественный деятель, стою перед дилеммой – как мне ответить на вопрос, что лучше – цензура в информационном и культурном поле или вседозволенность, не знающая края? И сдаётся мне, что и то, и другое нехорошо. Возврат к жесткому регламентированию инакомыслия приведет неминуемо к возникновению лагерей, а вседозволенность – к развалу государственности. Значит надо на конституционном уровне сделать так, чтобы чрезмерно ретивые либералы не имели права безнаказанно фальсифицировать историю Второй мировой войны, оскорблять чувства верующих, разжигать межнациональную рознь и ненависть. Мне кажется, пора переписать некоторые статьи Конституции, ну не может у страны, которую по влиянию ставят на второе место в мире, отсутствовать идеология»¹.

Реальностью вновь стала редакторская (институциональная) цензура: от фактчекинга до модерации контента сайтов, чатов, форумов и пабликов в соцсетях, под которой понимается отсев недопустимого контента: насилие, оскорбления, экстремизм, порнография, враждебные высказывания, нарушения авторских прав. При этом одна из решаемых задач – обеспечение безопасности платформы и ее соответствия политике компании по обеспечению доверия и защиты. Правда, вновь ли? Есть же память «старожилов от журналистики». М. Липман, например, вспоминает: «На заре независимой журналистики... когда начинались „Независимая газета“, „Коммерсантъ“, в этих новых изданиях составлялся список слов, запрещенных и, наоборот, рекомендованных к употреблению... Помню, что рекомендовалось слово „правительство“ заменять на „администрация“... Это был идеологический шаг, он знаменовал собой отказ от советского бюрократического языка. Скажем, „правительство“ тогда ассоциировалось с советским правительством, а „администрация“ – с „настоящей“, по мнению журналистов, властью в США и других странах. То есть был взят тот же курс на отказ от традиции и сближение с западными СМИ, что и в случае отказа от отчеств... Впрочем, „Независимая газета“ с начала 90-х гг. трижды меняла владельцев и дважды главных редакторов, что сказывалось на ориентации газеты» [9, с. 76].

А в 2012 г. по инициативе Алексея Миллера («Газпром») на телеканале «Матч ТВ» запретили англицизмы вроде «лайкать», «голеадор» и «коуч». По по-

¹ URL: https://dzen.ru/a/ZKMfCX729XQ004_y?from_site=mail (дата обращения: 14.05.2024).

воду использования заимствований выступила тогда генеральный продюсер «Матч ТВ» Тина Канделаки. Она представила список допустимых и недопустимых слов¹.

Да, Главлит институционально пока не восстановлен. Конечно, всегда можно задаться серией конституционно-правовых вопросов, особенно в плане таких признаков цензуры, как ее предварительный и внешний характер [12]. Однако сегодня ясно: цензура – неприятный, но необходимый фрагмент идеологического инструментария, используемого государством. Лучше, если она официальная и явная. Хуже, когда она латентная.

Как говорил В. Гюго: ««Жизнь – как игра в шахматы. Чтобы выиграть, нужно понимать правила и предвидеть ходы».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М. : Аспект-пресс, 2001. 358 с.
2. Методические рекомендации по проведению судебно-автороведческих экспертиз / Т. М. Изотова, Е. К. Крюк, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. М. : РФЦСЭ, 2020. 68 с.
3. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Методика проведение судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. М. : РФЦСЭ, 2016. 52 с.
4. Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. СПб. : РХГИ, 1998. 408 с.
5. Лапин Е. С. Философия криминалистики. М. : Юрайт, 2023. 201 с.
6. Лингвистика информационно-психологической войны / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. 344 с.
7. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М. : МГУ, 1982. 479 с.
8. Новожилова Е. В. К проблеме качества судебных лингвистических экспертиз // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 480–489.
9. Речевые стили в средствах массовой информации. Круглый стол // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 70–81.
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
11. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // ИПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12123142> (дата обращения: 14.05.2024).
12. Эктумаев А. Б. Конституционно-правовое развитие цензуры: история и современность // Евразийский союз ученых. 2020. № 4. С. 75–79.

DIGITAL CENSORSHIP OR FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE: PUBLIC ALTERNATIVE

V. N. Bazylev

The article examines the phenomenon of censorship, presented as a fragment of ideology and culture in contrast to linguistic expertise as a fragment of law. The changes in censorship practice and also the specifics of the dialogue between the government and society on freedom of speech are analyzed. The relevance of the problem in the conditions of modern information society is shown.

Censorship; linguistic expertise; government; culture; society.

¹ URL: https://www.sports.ru/tribuna/blogs/festival/2877158.html?utm_campaign=arbitr-pulse&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru (дата обращения: 14.05.2024).

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. П. Харченко

Статья рассматривает проблемы, с которыми сталкиваются компании при внедрении ИИ в России, и предлагает прогнозы развития этих технологий по перспективным сценариям.

Цифровые технологии, цифровая трансформация, инновационное развитие, искусственный интеллект.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы и широкие возможности по автоматизации и оптимизации бизнес-процессов, которые предлагают эти технологии, определяют необходимость формирования полной и подробной академической базы в этой сфере. Исследования показывают, что большинство попыток трансформировать компанию, будь то ее структура или бизнес-процессы, терпят неудачу. Все дело в том, что сотрудники с трудом принимают новые правила, такова психология. Но сейчас автоматизация рутинных процессов помогает существенно упростить внедрение перемен.

Компаниям нужно быть быстрыми. Они вынуждены меняться и адаптироваться к изменениям в условиях конкуренции. Топ-менеджерам приходится быстрее принимать решения, их подчиненным – оперативнее реагировать на возможности и угрозы. Все сотрудники должны быть более гибкими и готовыми к сотрудничеству.

Делать все это куда проще с использованием цифровых решений, таких как HCM-системы или корпоративные порталы, голосовые помощники или иные речевые технологии. Ленты новостей, неформальное общение, персональные рекомендации – простые и привычные функции, которые помогут компании не растерять сотрудников во время шторма перемен.

Применение искусственного интеллекта позволяет оптимизировать методы обучения в профессиональной среде, внедрять инновационные инструменты для комфортной жизни общества, разрабатывать ИКТ с применением искусственного интеллекта, усовершенствовать коммуникационные процессы с клиентами. Настоящим путеводителем становления цифровой культуры в современном обществе выступают нейросети и инновации. Раскрытие новых горизонтов в контенте нейросетей способствуют умению адаптироваться к трендам технологических улучшений, навыкам использования искусственного интеллекта и интеграции передовых технологических инструментов в профессиональной деятельности и в быту.

Неотъемлемой частью ценностных ориентаций цифровой трансформации является воспитание уникального будущего поколения, инновационно ориентированных творцов технологий, креативно демонстрирующих собственные таланты.

Человек, применяющий искусственно интеллектуальные инструменты, использующий генеративные платформы и нейронные сети сосредотачивает свои знания на прикладных аспектах снижения уровня опасностей и заставляет ИИ работать на улучшение жизни общественности. Дискуссионно доказано, что наиболее значимое конкурентное преимущество нейросетей заключается в их революционном владении простым языком и диалогизации на сложные темы. Нейросетям можно доверить рутинные задачи, и на горизонте погружения в мир ИИ стоит задача обучить нейросети придумывать новые решения. Ключом успешного достижения поставленной задачи являются сегодняшние достижения использования нейросетей, которые продуктивно составляют тексты, автоматизируют написание постов в соц. сети, рекламные объявления и рассылки по базе клиентов, делают логотипы и иллюстрации, ретушируют фото, анализируют и тестируют массивы данных.

На практике большую популярность приобрели голосовые помощники, в том числе речевые технологии от SberDevices. Благодаря цифровому решению SaluteSpeech была увеличена скоростные характеристики распознавания речи голосовым помощником и достигнута практически стопроцентная точность распознавания речи. Синтезированный уровень речи голосового помощника стал близок к когнитивным способностям человека. В настоящий момент ИИ в совершенстве управляет интонациями, эмоциональной и смысловой окраской информации, безошибочно ставит ударения и владеет спецтерминологией.

Нейросети приближают возможность поиска и принятия оптимальных решений буквально во всех сферах жизнеобеспечения человечества. Однако было бы ошибочно настолько идеализировать выбор армии поклонников ИИ. Увлекаясь искусственным миром цифры, мы сталкиваемся с галлюцинационной функцией нейросетей и информационными утечками, аннулируя роль первоначального источника и авторских прав. В течение 2023 года имело место судебное разбирательство из-за авторских прав, инициированное американской медиакомпанией The New York Times. Владельцы газеты NYT подали иск в суд на создателей ИИ-технологий компании Microsoft и OpenAI. Истец обратил внимание суда на следующий факт: «эти компании использовали для обучения своих языковых моделей миллионы статей, а те, в свою очередь, на их основе генерируют контент без указания авторства и ссылок на сайт издания» [1]. В юридической практике подобных случаев множество, но их разбирательства не обратят процесс искусственной интеллектуализации вспять.

Таким образом, нейросетевые технологии развиваются с бешеной скоростью, людей заменяют на видео, пользуются их голосами, строят маркетинговые стратегии в диалоге с ИИ, делегируют бизнес-процессы на 90 %. Базовые знания нейросетей позволяют генерировать текстовый и визуальный контент, писать книги и картины, планировать отпуск, бюджет, вести расчеты, подключать/отключать абонентские услуги, справочно информировать, разрабатывать сбалансированное меню или делать домашние работы школьникам без репетитора.

Главное, разобраться, как правильно с ними работать, какую предварительную информацию нужно «скормить» искусственному интеллекту и как составить эффективный промт, чтобы получить нешаблонный результат. Современные разработки гарантируют обществу надежный фундамент в области ИИ, который дарит пользователю быстроту и простоту клиентского сервиса. Мы воочию убеждаемся в долгосрочности намерений бизнеса в отношении цифровых решений, на которые возложены самые масштабные ожидания и необъятные возможности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жизнь с ИИ: как заставить нейросети работать на нас // ВШЭ : офиц. сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/community/892402260.html> (дата обращения: 18.04.2024).

FEATURES OF IMPLEMENTING AUGMENTED REALITY IN THE LIFE ACTIVITIES OF MODERN SOCIETY

N. P. Kharchenko

The article examines the problems that companies face when implementing AI in Russia and offers forecasts for the development of these technologies according to promising scenarios.

Digital technologies, digital transformation, innovative development, artificial intelligence.

УДК 325.14

ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАПЛАТФОРМЫ TELEGRAM В ОБЛАСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

О. Ю. Вихрова

На основании анализа действующего миграционного законодательства РФ и особенностей медиапотребления представителей таджикской диаспоры, в статье предлагается универсальный механизм социокультурной адаптации мигрантов из республики Таджикистан в РФ посредством инструментов медиаплатформы Telegram.

Цифровая диаспора, медиаплатформа, миграционная политика, Telegram, социокультурная адаптация, медиакоммуникации.

Согласно обновленной в мае 2023 года Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [6], одной из основных задач реализуемой миграционной политики является создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами.

При этом в число основных направлений миграционной политики в области содействия адаптации иностранных граждан были включены такие пунк-

ты как: создание для адаптации иностранных граждан и их несовершеннолетних детей условий, способствующих приобщению их к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, формированию у них присущих российскому обществу правосознания и правовой культуры; усвоению ими общепризнанных в российском обществе норм поведения с учетом социальных и культурных особенностей территорий, на которых они проживают и успешному освоению ими русского языка.

Отдельное внимание в документе было обращено на необходимость формирования и развития инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации иностранных граждан, а также совершенствование взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества и бизнес-структурами в целях содействия адаптации иностранных граждан и членов их семей.

При этом согласно пункту 4.2. Приказа Федерального агентства по делам национальностей России от 17.11.2020 № 142 «Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации „О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации“» рекомендуется «развивать информационные ресурсы, включая ресурсы на основе IT-технологий и цифровых каналов коммуникаций, помогающие получить необходимые сведения о принимающей стране, ее правовых нормах, региональных особенностях принимающего субъекта, профильных государственных учреждениях, социально ориентированных некоммерческих организациях, образовательных курсах и услугах, страниц в социальных сетях официальных сообществ, представляющих ту или иную диаспору на территории субъекта Российской Федерации» [3].

В Методических рекомендациях по повышению эффективности реализации госполитики в сфере адаптации иностранных граждан в редакции приказа Федерального агентства по делам национальностей России от 22.12.2023 № 211 в пункте 4.1 «Мероприятия в информационной сфере» предлагается «разработка и распространение в социальных сетях и иных каналах распространения информации в среде иностранных граждан материалов о законодательстве Российской Федерации, правилах и нормах поведения, особенностях отправления религиозных обрядов, полезных адресах и контактных данных муниципальных и региональных органов власти, учреждений здравоохранения, миграционных центров, региональных национально-культурных автономий, религиозных организаций и иных некоммерческих организаций, оказывающих помощь иностранным гражданам, и другой необходимой информации» [4].

С февраля 2022 года в Российской Федерации функционирует раздел «Государственные услуги для иностранных граждан» на Портале Госуслуг, упрощающий документооборот, а также получение ряда государственных услуг для иностранных граждан, включая их легализацию на территории принимающего субъекта. Кроме того, в перспективе портал будет обеспечивать трудовым мигрантам возможность упрощенного поиска работы на территории РФ посредством обеспечения доступа к portalу «Работа России» – государственной

информационной системе Федеральной службы по труду и занятости. Однако специализированных региональных площадок как на русском языке, так и двуязычных или на национальных языках мигрантов, выполняющих просветительские функции с целью содействия освоению иностранными гражданами правовых норм и культурных традиций, в рамках анализа выявлено не было.

Российская Федерация ежегодно принимает значительное количество трудовых мигрантов из республик Центральной Азии, что обеспечивает численный рост и укреплению позиций соответствующих диаспор в стране. Так, согласно миграционной статистике Министерства внутренних дел РФ за первые три квартала 2022 года зафиксировано свыше 3,38 млн фактов постановки граждан Таджикистана на миграционный учет, что составило 26% от общего показателя по всем странам за тот же период, а за I и II кварталы 2023 года в России на миграционный учет поставили 1,28 млн граждан этой республики, что составляет 25% от общего числа фактов постановки.

При этом цифровые диаспоры Таджикистана в России в основном осуществляют коммуникацию на платформе Телеграм. Для жителей Таджикистана это обусловлено прежде всего его доступностью – как физической на территории Российской Федерации, где ограничена деятельность TikTok, а также заблокированы такие популярные в Центральной Азии социальные сети как Facebook и Instagram, так и финансовой.

Согласно данным портала Speedtest, средняя скорость фиксированного широкополосного доступа в интернет в республике в декабре 2023 года составляла 29,90 Мбит в секунду (148 место в мировом рейтинге). Для сравнения: средняя скорость в России – 94,05 Мбит/с. По скорости мобильного интернета республика находилась на 164 месте с показателем 9,12 Мбит в секунду [2].

По данным Международного союза электросвязи, стоимость подписки на мобильный широкополосный доступ (с объемом данных не менее 1,5 ГБ) составляет в среднем 7,5% месячного валового национального дохода на душу населения и достигает шестой части ежемесячного ВНД на душу населения для бедных домохозяйств [5]. Таким образом, по состоянию на 2023 год республика Таджикистан продолжала характеризоваться одними из самых высоких тарифов интернет-подключения на постсоветском пространстве.

Все вышеперечисленные факторы способствуют тому, что население республики предпочитает использовать инструменты, позволяющие экономить трафик, прежде всего – пакетные услуги связи, в которые входит пользование Telegram. В ходе исследования, проведенного О. Ю. Вихровой, Я. С. Горловой и К. В. Флорьяк было установлено, что 59% представителей цифровой диаспоры Таджикистана РФ считает Telegram-площадки пригодными для сохранения, передачи и распространения традиционных для диаспоры ценностей, а около 50% респондентов отметили, что в настоящее время в таджикских цифровых диаспорах на платформе Telegram ценности, включая религиозные, духовные, моральные, социальные и витальные таким образом уже транслируются и передаются, в том числе и от представителей старших поколений к более молодым участникам

групп. При этом в качестве наиболее эффективных инструментов, соответствующих выполнению перечисленных выше задач, опрошенные выделяли текстовые и аудиосообщения, а также короткие видео, мемы и открытки. [1, с. 115–116].

Принимая во внимание актуальные задачи миграционной политики РФ и рекомендуемые инструменты их достижения, специфику медиапотребления трудовых мигрантов из Таджикистана, проживающих на территории Российской Федерации, а также восприятие ими чатов данного мессенджера как площадок для трансляции традиционных ценностей, можно утверждать, что медиаплатформа Telegram обладает наибольшим потенциалом с точки зрения распространения просветительской информации о правовых нормах, а также региональных и культурных особенностях принимающего субъекта с целью содействия социокультурной интеграции представителей таджикской диаспоры в принимающее российское общество.

Представляется, что наиболее эффективным для достижения поставленных целей адаптации может стать формат двуязычного Telegram-канала с возможностью модерлируемого комментирования и эмоциональных реакций подписчиков, содержащий тематические блоки «Законы», «Достопримечательности и зоны отдыха», «Традиции», «Изучение русского языка». Медиаформатами, составляющими основу предлагаемого содержания должны стать разъясняющие текстовые и аудиотексты, сопровождаемые иллюстрирующими материалами в виде мемов и открыток, (последние также могут представлять собой независимые публикации), а также короткие видео. Принимая во внимание востребованность аудиосообщений как формата, способствующего распространению элементов системы ценностей среди представителей цифровой диаспоры Таджикистана в РФ [1, с. 116], целесообразно провести дополнительное разведывательное исследование, ориентированное на изучение восприятия и оценки тематического контента подкастов членами обозначенной группы.

Принимая во внимание необходимость учета региональной специфики, организацию работы данных информационных площадок, включая создание, наполнение контентом и их популяризацию среди целевой аудитории, представляется целесообразным передать в ведение территориальных органов Главного управления по вопросам миграции МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вихрова О. Ю., Горлова Я. С., Флорьяк К. А. Telegram-каналы и чаты как инструмент трансляции традиционных ценностей в «цифровых диаспорах» народов Центральной Азии (на примере таджикской диаспоры России) // Информационное общество. 2023. № 5. С. 107–122.
2. Глобальный индекс Speedtest // Speedtest. URL: <https://www.speedtest.net/global-index> (дата обращения: 09.02.2024).
3. Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» // Федеральное агентство по делам национальностей. 17.11.2020. № 142. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/prochee/9087-metodicheskie-rekomendatsii-dlya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-sub-ektov-rossiyskoy-federatsii-o-sotsialnoy-i-kulturnoy-adaptatsii>

i-integratsii-inostrannyh-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii?ysclid=m3esc00yag6350911 (дата обращения: 09.02.2024)

4. Методические рекомендации по повышению эффективности реализации госполитики в сфере адаптации иностранных граждан // Федеральное агентство по делам национальностей. 22.12.2023. № 211. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/prochee/metodicheskie-rekomendaczii-dlya-organov-gosudarstvennoj-vlsty-dly-adaptaczii-inostrannyix-grazhdan?ysclid=m3esc74uu417690002> (дата обращения: 09.02.2024).
5. Озан Севимли // Группа Всемирного банка : офиц. сайт. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/speech/2022/03/17/e-commerce-development-in-tajikistan> (дата обращения: 09.02.2024).
6. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917 ; электрон. копия доступна на «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (дата обращения: 09.02.2024).

POTENTIAL OF THE TELEGRAM SOFTWARE IN THE FIELD OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS FROM TAJIKISTAN

O. Yu. Vikhrova

Based on an analysis of the current migration legislation of the Russian Federation and the characteristics of media consumption of representatives of the Tajik diaspora, the article proposes a universal mechanism for the sociocultural adaptation of migrants from the Republic of Tajikistan to the Russian Federation through the tools of the Telegram media platform.

Digital diaspora, media platform, migration policy, Telegram, Telegram messenger, sociocultural adaptation, media communications.

УДК 37.09

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ЕЕ ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ПРИМЕР ОТДЕЛЬНОГО ВУЗА

С. В. Заец

Цифровая культура и ее составляющие представлены в статье как ключевой компонент современного общества. На примере ЯрГУ им. П. Г. Демидова показан уровень цифровизации российского вуза XXI века.

Цифровая культура, высшее образование, ЯрГУ.

Цифровая культура стала неотъемлемой частью современного российского общества и в особенности учебного процесса. У каждого человека, учащегося она сформирована на своем личном уровне, что подразумевает владение цифровыми знаниями и умение использовать их на практике. В ряде вузов введен отдельный блок дисциплин под названием «Цифровая культура». В частности, в университете ИТМО (г. Санкт-Петербург) существует целая школа цифровой культуры; предметы под аналогичным названием изучаются в госунивер-

ситете г. Тольятти, Казанском (Приволжском) федеральном университете, цифровом университете при ВШЭ и других.

Под цифровой культурой понимается совокупность компетенций, характеризующих умение использовать информационно-коммуникационные технологии для комфортной жизни в цифровой среде, для взаимодействия с обществом и решения цифровых задач в профессиональной деятельности [2]. Она подразумевает, что человек соблюдает и так называемую цифровую этику, – умеет строить общение с другими пользователями, представлять информацию о себе, знает, какие данные являются секретными, как обеспечить информационную безопасность, а также особенности законодательства в этой сфере. Человек осознает, как вести себя в информационном пространстве и какие границы там нельзя переступать. Цифровая культура подразумевает участие мировоззрения индивида, которое регулирует его действия путем убеждений и ценностей. Развитие цифровой культуры приводит к тому, что повышаются требования к цифровым компетенциям людей, которые включают решение разнообразных вопросов с помощью цифровых технологий.

Существует также понятие «цифровая среда» – окружение современного человека, которое представляет собой интегрированную среду, содержащую информацию в различных электронных форматах и имеющую возможность передачи через компьютерные сети и Интернет. Ее инструментами являются компьютеры, ноутбуки, смартфоны, с помощью которых индивид взаимодействует и управляет содержанием [1]. С этим связан термин «цифровое рабочее место» – не просто виртуальный эквивалент физического рабочего места, а пространство, в котором сосредоточены все информационные технологии, необходимые человеку для успешной деятельности.

Обратим внимание, что тема цифровизации нашла отражение в программе ЮНЕСКО «Информация для всех». Там говорится о необходимости развития информационно-компьютерной грамотности (ИКТ) по всему миру. Это касается и развития образования на протяжении жизни, и поддержания различных контактов, обмен и передача опыта, создание специализированных общественных пунктов доступа к информации и т. д. [3, 4].

Теперь приведем пример цифровой культуры на уровне отдельного вуза – Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Как и в любом другом учебном заведении, здесь существует своя электронно-образовательная среда, которая представляет собой совокупность образовательных ресурсов, средств информационных технологий и автоматизированных систем, необходимых для освоения образовательных программ. Активно используются дистанционные технологии и электронное обучение, в частности для овладения студентами материалом по отдельным спецкурсам, а также прохождения сотрудниками программ повышения квалификации. В рамках изучения фактически каждой дисциплины учащиеся выполняют онлайн-задания – читают электронные пособия, просматривают видео, решают вопросы теста, а также взаимодействуют с преподавателем через электронную почту, мессенджеры, ВК и т. п.

Существует электронный университет MOODLE ЯрГУ, на платформе которого преподаватели размещают свои курсы с темами занятий, основной информацией и вопросами для самоконтроля. Платформа дает возможность проводить вебинары для студентов и широкой аудитории. Широко используются онлайн-консультации по изучаемым дисциплинам, курсовым и дипломным работам. Практикуются заседания кафедр, советов и различных комиссий в режиме видеоконференции, что позволяет охватить более широкий круг участников (программа zoom и помимо этого). Сотрудники не только проходят повышение квалификации онлайн, но и сами могут разрабатывать и предлагать свои курсы для профессиональной переподготовки. Также на каждом факультете имеется несколько групп «в контакте» (общие, для преподавателей, студентов и по интересам).

Итак, современный мир принято называть цифровым миром, в котором повседневная жизнь уже немыслима без цифровых технологий. На этом построена фактически вся система среднего и высшего образования. В каждом отдельном вузе сформировался свой уровень цифровой культуры, который включает несколько направлений. Это упрощает образовательный процесс и делает его более качественным и совершенным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гущина О. М., Панюкова Е. В. Цифровая культура : электронное учебно-методическое пособие. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2023. 143 с.
2. Михайлова Е. Г. Цифровая культура в университете ИТМО // Национальный исследовательский университет ИТМО : офиц. сайт. URL: <https://itmo.ru/file/pages/369/DC-bak.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).
3. Программа ЮНЕСКО «Информация для всех». URL: <https://ifap.ru/ofdocs/unesco/programr.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).
4. Диалог власти и общества: от офлайн-коммуникации к онлайн-дискурсу в цифровом публичном пространстве : монография / А. В. Зайцев, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Вахрушева, А. В. Зябликов, А. А. Максименко, А. А. Талалаев. Кострома, 2023. 184 с.

DIGITAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: IT'S MAIN ELEMENTS AND AN EXAMPLE OF A SEPARATE UNIVERSITY

S. V. Zaets

Digital culture and its components are presented in the article as a key component of modern society. Using the example of YarSU named after P. G. Demidov shows the level of digitalization of the Russian university of the 21st century.

Digital culture, higher education, YarSU.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ ВУЗА*Е. В. Вовк, В. М. Пехова*

В статье рассматриваются ключевые аспекты цифровой культуры в образовательной среде как феномена цифровизации и компьютеризации. Также анализируется влияние цифровых компетенций на процесс обучения студентов.

Цифровая культура, высшее образование, формирование навыков цифровой грамотности.

Развитие современного общества диктует необходимость в появлении новых форм и смыслов. Основными направлениями развития сейчас выступают образование и культура. Трансформация в данных отраслях носит интегративный характер и, как следствие, формирует новое понятие «цифровая культура», отражающее влияние цифровизации на общество.

Данный термин уже стал частью научной базы, ведь его в своих работах изучали А. А. Лисенкова, кандидат культурологии, доцент Пермского государственного института культуры, А. Ю. Мельникова, старший преподаватель кафедры социально-культурных технологий и туризма Пермского государственного института культуры. Также феномен цифровизации и ее влияние на общество и культуру рассматривала Е. Л. Вартанова, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Ученые рассматривают и анализируют цифровую культуру с разных сторон, но большинство исследователей в своих работах подчеркивают, что это система информационно-коммуникативных навыков и компетенций для грамотного взаимодействия с цифровыми технологиями [4].

Рассмотрим подробнее данное понятие. В цифровую культуру входит не только осознание влияния, которое цифровая реальность оказывает на человека и среду его обитания, но и ориентация в процессах и алгоритмах, на которых строится работа электронных систем. Цифровая культура подразумевает способность владеть информационными технологиями и грамотно их использовать во всех сферах общественной жизни, в том числе и образовательной, ведь наиболее яркими представителями цифрового общества сейчас являются школьники и студенты. Поэтому в средних и высших учебных заведениях в образовательный процесс активно внедряются отдельные дисциплины, направленные на освоение цифровых теоретических и практических навыков, или вводятся дополнительные блоки к уже изучаемым предметам. Такая тенденция в образовании помогает формировать цифровую культуру у обучающихся.

Цифровизация быстро стала важным звеном каждой отрасли, без которого невозможно соответствовать инновационным требованиям и эффективно конкурировать. Это касается как отдельного специалиста, так и команды профессионалов и целой компании. Вследствие этого общество осознало, что для

того, чтобы отвечать вызовам цифровизации, необходимо обладать определенным набором компетенций, навыков, с помощью которых будет выстроена коммуникация с миром цифровых технологий. Сейчас современные технологические знания составляют существенную часть культуры, встраиваются в ее новые ритуалы и нормы [1, с. 53–54]. Поэтому появилось такое определение как «цифровая культура», под которой и понимается совокупность навыков, обеспечивающих эффективное взаимодействие с информационно-коммуникативными технологиями и их применение для исполнения различных профессиональных задач. Если рассмотреть понятие в более узком смысле, к примеру, в образовательном контексте, то под данным термином можно понимать совокупность цифровых компетенций, осваиваемых и приобретаемых человеком в рамках специальных программ [1, с. 20–21].

В цифровом обществе важно уметь подстраиваться под изменения, оперативно реагировать на них, а также грамотно взаимодействовать с большими потоками информации, чему способствует обладание навыками цифровой культуры. Такие компетенции необходимы для жизни в обществе, где преобладают электронные информационные технологии. Они позволяют принимать взвешенные и объективные решения и быть на шаг впереди в быстро меняющемся мире.

Навыки, которые составляют основу цифровой культуры, можно разделить на несколько категорий:

1) навыки работы с информацией, контентом (к ним можно отнести поиск данных; критическое мышление, позволяющее анализировать и фильтровать информацию; создавать цифровой контент и преобразовывать его);

2) навыки работы с компьютером (понимание того, как устроен компьютер; умение использовать функции компьютера в профессиональных целях);

3) умение работать с медиаконтентом (обладать базовыми навыками съемки видео, работы со звуком, картинкой и текстом; умение анализировать медиаданные на достоверность, подлинность);

4) навыки использования онлайн-сервисов (умение регистрироваться, создавать заявки на получение услуг на государственных сайтах; навык работы с цифровыми приложениями, интернет-магазинами; использование мессенджеров, социальных сетей; адаптация к образовательным онлайн-платформам);

5) способность адаптации к быстроизменяющимся условиям цифровой реальности;

6) навыки цифровой безопасности (умение правильно использовать цифровые ресурсы, защищать свои персональные данные) [3, с. 36–37].

В настоящее время рынок в поиске тех специалистов, которые помимо своей профессиональной подготовки обладают еще и дополнительными навыками, среди которых находятся и цифровые навыки. Такие изменения диктуют трансформацию и самого образовательного процесса, который необходимо выстраивать с ориентированностью не только на формирование у студентов узко-

специализированных навыков, но и на освоение цифровой культуры, позволяющей подстраиваться и адаптироваться в цифровом обществе.

Для формирования у студентов вуза информационно-коммуникативных навыков создаются специальные программы, в рамках которых обучающихся научат правильно использовать цифровые технологии в каждой профессиональной отрасли. Примером такой программы может служить проект «Цифровые кафедры», реализуемый в рамках федерального проекта «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [5]. В рамках федерального проекта реализуются программы переподготовки в области информационных технологий, которые позволяют студентам получить новые навыки в цифровой сфере и научиться применять их на практике.

«Цифровые кафедры» направлены на создание возможностей для повышения квалификации и получения новой профессии в сфере информационных технологий. Выбирая одно из направлений, обучающийся осваивает сначала общие базовые навыки в цифровой сфере, а затем приступает к получению информационно-коммуникативных компетенций в конкретном направлении. Более 100 российских вузов уже не первый год практикуют программы, направленные на получение навыков медиаграмотности, ИТ-компетенций, которые в совокупности формируют у студентов цифровую культуру. Например, в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского реализуется более 10 программ. На кафедре рекламы, связей с общественностью и издательского дела Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна реализовано 2 программы: «Бизнес-коммуникации в цифровой среде», «Медиамаркетинг в цифровой среде».

Благодаря дополнительным программам профессиональной переподготовки студенты имеют уникальную возможность получить навыки по использованию цифровых технологий в медиаотрасли. Е. В. Вовк, заведующая кафедрой рекламы, связей с общественностью и издательского дела, руководитель направления «Бизнес-коммуникации в цифровой среде», отметила, что в рамках образовательных программ студенты погружаются в специфику рекламной деятельности, изучают стратегии продвижения, основы SMM и маркетинга. Также в процессе обучения привлекаются специалисты-практики, работодатели медиаотрасли. Они разрабатывают специальные кейсы, которые позволяют обучающимся с теоретической и практической точки зрения рассмотреть предложенные задания и оформить в формате итоговой проектной работы. По результатам освоения программы студенты непрофильных направлений получают дополнительные цифровые навыки в сфере рекламы и продвижения, а также диплом о профессиональной переподготовке, подтверждающий соответствующие компетенции [2].

Стоит отметить, что у обучающихся на «Цифровых кафедрах» есть возможность представить свою работу не только на университетском, но и на федеральном уровне. Например, как результат освоения программы был пред-

ставлен проект «Разработка SMM-стратегии в социальной сети ВКонтакте». Обучающиеся направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» презентовали работу на Марафоне цифровых кафедр, где подробно рассказали, как в современном мире брендам поддерживать конкурентоспособность, и представили единую схему продвижения сообщества бренда с применением цифровых технологий.

Благодаря «цифровым кафедрам» студенты могут войти в профессиональную среду уже конвергентными специалистами, ведь их навыки позволят адаптироваться к разным условиям, мыслить в рамках множества направлений и оперативно реагировать на вызовы цифрового мира.

В XXI веке под влиянием цифровизации во многих отраслях произошла трансформация как управленческих, так и производственных процессов. В связи с этим формирование цифровой культуры стало одной из первостепенных задач современного общества, решение для которой было предпринято на образовательном уровне. С каждым годом система образования претерпевает ряд изменений и на протяжении последних двух лет были успешно реализованы специальные учебные программы, направленные на овладение студентами информационно-коммуникативными компетенциями, которые не только формируют у них представление о цифровой системе и ее устройстве, но и позволяют использовать цифровые навыки в профессиональной и повседневной жизни.

Таким образом, усовершенствование образовательных программ на федеральном уровне с внедрением основ цифровой грамотности и безопасности способствует эффективному формированию цифровой культуры у студентов вуза. Благодаря ей молодые специалисты развивают свое критическое мышление, могут оперативно принимать рациональные решения, приспосабливаться к изменениям общества и быть единым целым с цифровой системой, которая с каждым годом развивается и диктует новые требования к будущим специалистам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования : монография / О. Н. Астафьева, Л. Б., Зубанова, Н. Б. Кириллова, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова [и др.] ; отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 292 с.
2. О цифровых кафедрах / Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна : [сайт]. 2024. URL: <https://immid.cfuv.ru/news/o-цифровых-кафедрах> (дата обращения: 26.08.24).
3. Хабдиева С. Р. Основные подходы к формированию цифровых навыков. Текст: электронный // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2022. Т. 11, № 3(40). С. 36–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-podhody-k-formirovaniyu-tsifrovyyh-navykov> (дата обращения: 23.08.2024).
4. «Цифровая культура» в университете ИТМО / Е. Г. Михайлова, А. А. Шехонин, О. В. Елисеева, О. Б. Егорова // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2019. Т. 1. С. 20–23.
5. Подготовка кадров для цифровой экономики через реализацию дополнительных профессиональных программ профессиональной переподготовки для студентов вузов / М. О. Шепель [и др.] // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2022. № 2(58). С. 5–8.

FORMATION OF DIGITAL CULTURE AMONG UNIVERSITY STUDENTS

E. V. Vovk, V. M. Pekhova

The article discusses the key aspects of digital culture in the educational environment as a phenomenon of digitalization and computerization. It also analyzes the impact of digital competencies on the learning process of students.

Digital culture, higher education, formation of digital literacy skills.

УДК 303.01

ФЕНОМЕН КРИЗИСА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Н. А. Гаршин

В статье исследуются факторы цифровой среды, оказывающие влияние на кризисные явления в современном мире. Автор акцентирует внимание на особой актуальности феномена кризиса в социально-философском дискурсе, а также на необходимости исследования кризиса именно философскими методами. Анализируются проявления кризиса в цифровом пространстве, а также способы его преодоления.

Кризис, политическое доверие, социальная философия, информационное общество, цифровое пространство, цифровой поворот.

Проблема влияния кризиса на социальную реальность в современном мире является острой по нескольким причинам. Во-первых, кризис в современном обществе не может быть локализован сугубо в одной сфере. Дело в том, что, как отмечал У. Бек в своей работе «Общество риска» [1], сегодня мы сталкиваемся с таким разнообразием рисков, которое простирается по всему социальному пространству. При этом мы можем заметить, что эти риски активно воспроизводят и обуславливают друг друга. Иначе говоря, риск, возникнув в одной сфере общественных отношений, может перейти в другую, став причиной кризиса в совершенно другой области социальной жизни. Сегодня мы перманентно сталкиваемся с кризисами в различных сферах. При этом такое столкновение может случиться не только в научных работах, но и в публицистике.

Таким образом, кризис, как феномен общественной жизни активно проникает в общественное сознание через различные каналы. При этом кризис сам, как объект исследования имеет важную особенность. Дело в том, что когда мы говорим или читаем о кризисе, мы как правило, рассматриваем конкретный кризис, то есть кризис в какой-то сфере или области. При этом инвариант кризиса как таковой, что такое сама кризисность, как правило, ускользает от нас, что не дает проникнуть в суть данного явления. Тем самым значительно снижается эпистемологический потенциал исследования кризиса, именно поэтому, на наш взгляд, данная тема наиболее близка социально-философским изысканиям. Безусловно, это тема отдельного крупного исследования, однако важно обозначить данную эпистемологическую сторону феномена кризиса.

Однако особый интерес в рамках данного исследования представляет собой взаимоотношение феномена кризиса и медиареальности. Как писал Н. Луман в работе, посвященной исследованию медиа: «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа. Это относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы» [2, с. 8–9]. Таким образом, даже о том, в чем медиа могут нами манипулировать, какую информацию может от нас скрывать, мы также можем узнать лишь из медиадискурса. Следовательно, медиа также является идеальным источником для проникновения кризиса в различных его формах и проявлениях в нашу жизнь и сознание.

Отдельной проблемой в данном случае является тот факт, что современное общество сталкивается с кризисом доверия, в том числе и к классическим авторитетам и источникам информации. Парадоксальным образом, человек и социальные группы не доверяя выше указанным привычным авторитетам, оказывается напротив крайне доверчивым к различного рода конспирологии, а в области политики к демагогии и популизму. И. Крастев, исследуя проблему недоверия, отмечал, что «сегодня же индивид либо воспринимает свою свободу как само собой разумеющуюся, либо верит, что он может ее защитить при помощи клика мышки или иска против правительства. То, чему мы оказываемся свидетелями, является не концом демократии, но скорее, ее радикальной трансформацией» [3, с. 28]. Исходя из такого развития событий, общество становится менее сплоченным, более атомизированным и, как следствие, намного хуже способно через солидарность противостоять тем или иным попыткам получить выгоду в кризисных условиях.

Цифровая реальность проникает в нашу жизнь не только непосредственно через экраны, но и через методологию социально-гуманитарного познания, да и научного познания в целом. Последние несколько лет ознаменовались активным исследованием так называемого «цифрового поворота», который отсылает нас к идее культурного поворота в целом. В рамках цифрового поворота именно экранным и электронным средствам познания отводится ключевое место в данном процессе. Важно отметить, что данный поворот далеко не первый. До него были визуальный, текстовый и многие другие. При этом каждый из них вносил свою лепту в развитие восприятия тех или иных феноменов и их познания.

Говоря о цифровом повороте, В. Л. Алиханова отмечает его специфику при анализе ценностного наследия в искусстве, сравнивая его с визуальным поворотом. Автор пишет: «Так, визуальный «поворот» привел к тому, что на смену теоретическим рассуждениям и абстракциям пришло желание видеть и созерцать некую образную предметность, что привело к изменению методологии изучения артефактов, а также увеличению популярности таких видов искусства, как перформанс, например. Не стал исключением и цифровой «поворот», открывший перспективы компьютерного моделирования произведений искусства, использования технических средств при его анализе. Особенно следует отметить попытки при помощи техники и медиа „осовременить“ и растиражировать произведения элитарной культуры в более доступной форме. Это, с одной стороны, увеличивает их

популярность, но с другой – лишает статуса элитарности, глубины содержания, необходимости работы над собой для их усвоения» [4, с. 51].

Итак, цифровой поворот дает нам и новые инструменты, и новые сложности при анализе кризисных явлений. С одной стороны, мы получаем возможность компьютерного моделирования тех или иных кризисных явлений и расчета их последствий. С другой же стороны, человек становится в определенном смысле зависим от расчетов техники, а также от тех, кто способен настраивать, обслуживать, задавать критерии исследования для искусственного интеллекта. Таким образом, изначально ища объективного и независимого помощника в лице компьютерных технологий, человек и исследовательские группы рискуют поставить себя в зависимость от иного человека, который обладает большими полномочиями и компетенциями в области информационных технологий. Кроме того, в таких условиях сам процесс познания может стать малопонятен для проводящих те или иные процессы в рамках компьютерной модуляции. По сути дела, процесс познания сильно может трансформироваться, превратившись в так называемый черный ящик, то есть в ситуацию, когда мы знаем исходные посылки и видим заключение, но совершенно не понимаем, как именно они были получены.

Кроме того, как мы уже отмечали выше, медиареальность является отличным каналом для передачи сообщений о кризисе и их провокации. Зачастую те или иные протестные явления в прошлом были делом локальным, и могли вовсе не выходить за пределы определенного региона, а то и вовсе населенного пункта. Тогда как теперь, как мы видим, различные группы могут использовать медиа и цифровое пространство для дестабилизации общественного порядка и внесения сомнения и негатива в общественное сознание. В данном случае крайне актуальным видится развитие система образования в области медиаграмотности, в первую очередь для противостояния пропаганде и дезинформации, фейк-ньюс.

Как писал еще В. А. Смышляев: «Медиаобразование представляет собой новое явление, рожденное в результате интеграции информационных технологий в образовательном процессе. Его функция: подготовка молодежи к жизни в информационном пространстве. Таким образом, медиаобразование играет в процессе социализации личности первостепенную роль» [5, с. 65]. Именно в медиаобразовании (а его роль и потребность в нем лишь выросла с момента выхода цитируемой статьи), позволяет хоть как-то минимизировать негативные последствия развития цифровых технологий, при этом получая безусловно имеющиеся у них плюсы. Особенно это касается кризисов, генерируемых случайным образом в рамках медиакоммуникации: кто-то выложил неоднозначное сообщение в сеть, другой человек или социальная группа как-то особым образом интерпретировала его, и случилось обострение тех или иных проблем. При этом, отправитель вовсе не желал зачастую нанести оскорбление, а возмущившееся лицо могло быть вовсе незнакомо с отправителем. Однако в силу того, что скорость обмена информацией в рамках сети крайне высока, может начаться мультипликация кризисов, которую крайне трудно остановить. Такое явление мы часто можем встретить в интернет-пабликах, где ссоры, начавшиеся

с обычного обсуждения, могут транслироваться и трансформироваться в совсем другое русло. Здесь также важно отметить и тот факт, что грань между физической и виртуальной реальностью становится все тоньше, следствием чего является частый выход проблем из виртуального поля в реальную социальную жизнь и наоборот. Именно поэтому данное исследование имеет особую актуальность, показывая, что нет возможности полностью разделить кризисы в виртуальном и физическом пространстве, данные социальные среды давно влияют друг на друга сильнее, чем кажется.

Таким образом, подводя итоги статьи, можно сделать следующие выводы.

Современное общество тесно связано с феноменом кризиса, который, принимая различные формы и проявления, проникает в разнообразные сферы общества и негативно влияет на качество жизни. Цифровизация социального пространства в данном ключе имеет как положительные, так и отрицательные стороны, поскольку, с одной стороны, предлагает нам набор новых, ранее неизвестных методов преодоления кризиса, а с другой порождает новые кризисы и ставит человека в определенную зависимость от новых технологий. Кроме того, медиа являются прекрасными каналами для быстрого распространения негатива, а также полем для манипуляции сознанием. Для преодоления, или как минимум, снижения негативных тенденций, требуется уделять как можно больше внимания феномену медиаобразования, который способен дать нужную информацию и навыки для противостояния новым вызовам. Однако, будучи постоянно видоизменяющейся средой, медиареальность требует постоянного анализа и обновления данных, получения в рамках медиаобразования. Именно это позволит снизить влияние кризиса на жизнь человека, позволив ему получать максимум выгоды от цифровых инструментов и снизив до определенного предела риски, связанные с их использованием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
3. Крастев И. Управление недоверием. М. : Европа, 2014. 128 с.
4. Алиханова В. Л. Проблема взаимодействия ценностей и искусства в эпоху цифрового «поворота» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 4(34). С. 47–54.
5. Смышляев В. А. Медиаобразование как фактор социализации молодежи: социополитические аспекты // Новая наука: От идеи к результату. 2016. № 6-2(90). С. 62–65.

THE PHENOMENON OF CRISIS IN THE CONTEXT OF THE IFROVIZATION OF SOCIAL SPACE

N. A. Garshin

The article examines the factors of the digital environment that influence crisis phenomena in the modern world. The author focuses on the special relevance of the crisis phenomenon in socio-philosophical discourse, as well as the need to study the crisis using philosophical methods. The manifestations of the crisis in the digital space, as well as ways to overcome it, are analyzed.
Crisis, political trust. social philosophy, information society, digital space, digital turn.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

О. В. Летов

Статья посвящена проблеме эволюции философии науки в условиях современного информационного общества. Рассмотрению подлежат этические последствия указанного процесса.
Искусственный интеллект, этические последствия, цифровизация общества, артефакт.

Положение о социокультурной обусловленности научных взглядов, сформулированное в теориях таких представителей постпозитивизма, как Т. Кун и др., нашло свое продолжение в социальных исследованиях науки и техники (Science Technology Studies – STS) Бруно Латура, Мишеля Каллона и их последователей. Близкую к сторонникам STS позицию занимает и А. Пикеринг.

А. Пикеринг (Экзетерский университет, отделение социологии, философии и антропологии, Великобритания) стремится осмыслить переход, имевший место в 1970-х годах, между двумя парадигмами в истории физики элементарных частиц – двумя несоизмеримыми способами понимания и действия в мире – прозаически известный как «старая» и «новая» физика. Новая физика – это та, о которой люди теперь все время читают, физика кварков и струн, а, в конечном счете, – черных дыр и темной материи. Представители «старой» физики занимались давно забытыми темами вроде адронных резонансов и полюсов Редже.

Важным моментом является то обстоятельство, что «старая» физика сама по себе не превращается в «новую» физику. Культура представляется как множество традиций практики. Традиции «старой» физики господствовали до начала 1970-х годов, когда они начали стагнировать и атрофироваться. Первоначально традиции «новой» физики были небольшими и маргинальными, разрабатывались лишь немногими физиками и воспринимались как неактуальные для остальных. Но в 1970-х годах традиции новой физики росли и множились, в конечном итоге став доминирующими направлениями научной культуры. «Таким образом, эта революция в истории физики имела характер гештальт-сдвига, в котором элементы переднего и заднего плана поменялись местами» [1]. Именно так происходят дискретные изменения.

Почему произошел этот сдвиг? Отчасти это изменение было следствием внутренней динамики традиций «новой» физики, их рост вызван открытием новых частиц. Но отчасти подобный сдвиг был продуктом симбиотического объединения и взаимного усиления того, что представляло собой набор различных подходов «новой» физики. Целый ряд способов создания теории и проведения экспериментов объединился в новое самоусиливающееся целое, к которому приклеился ярлык «новая физика».

Как можно перенести эту картину культурной динамики с эпизода в истории науки на нынешнее состояние мира? Речь идет о довольно резком скачке.

Первым шагом было бы определение господствующих традиций, которые считаются наиболее проблематичными. Разные люди выбирали бы их по-разному, но преобладают традиции, в рамках которых разделяется дуалистическое мировоззрение, вера в то, что люди и вещи различны по своему характеру и что первые, так сказать, выше вторых и господствуют над ними. Эта вера есть не что иное, как стандартное мировоззрение Запада, ныне распространенное по всему миру, то, как и чему учат детей в школе, и окружающий мир постоянно повторяет это людям.

Мировоззрение может показаться безобидным само по себе, но проблема в том, что человек действует в соответствии с ним. Когда он видит себя дуалистическим мастером творения, он обращается с миром соответственно – как с игровой площадкой, превращая его, согласно М. Хайдеггеру, в постоянный резерв для своих проектов. И, как теперь широко известно, эта позиция мнимого мастерства возвращается к людям в катастрофах и бедствиях антропоцена. Дуализм – это старая физика XXI века. Один из выходов состоит в том, чтобы попытаться сопротивляться ему, «лечь на рельсы». Однако человеку также нужно найти что-то позитивное и необычное, то, что можно ожидать с нетерпением. Где можно обнаружить семена новой физики для третьего тысячелетия? Согласно модели Пикеринга, они должны произрастать в недугалистической окраине культуры. Искать следует вне учебной программы и вне основного направления средств массовой информации. В таком случае возможностей окажется действительно много. Очевидная ссылка может быть на туземные и до-современные традиции, которые ставят человека, так сказать, на свое место, признавая, что он является частью природы, а не отвечает за нее, лелея и заботясь об окружающей среде вместо того, чтобы управлять ею.

Одним из примеров недугалистических онтологий и практик может служить «странная и маргинальная» наука кибернетика. Самый простой способ думать о кибернетике – начать с мозга. Обычное представление о мозге – это орган мысли, то, что отличает человека от остальных плодов творения и позволяет доминировать над ними. Это дуалистическое видение, воплощенное в современных версиях искусственного интеллекта (ИИ), нейронных сетей и машинного обучения. Вместо этого кибернетика исходила из представления о мозге как об адаптивном органе, помогающем человеку выжить в мире, который, в конце концов, непознаваем и всегда удивителен. Таким образом, кибернетический интеллект «ничего не знает». Это «незнание» проявляется в том, чтобы пробовать что-то, видеть, что происходит, реагировать соответствующим образом и так далее, без конца, в некоем замкнутом процессе, который симметрично и недвойственно связывает субъекта с миром.

А. Пикеринг в своей работе «Кибернетика как искусство» отмечает, что кибернетику как научную дисциплину нелегко определить. Норберт Винер ввел термин «кибернетика» от греческого слова *kybernetes*, обозначающего рулевого, моряка, который борется с меняющимися ветрами, течениями и приливами, управляя кораблем. Этот образ живого мира проходит через всю историю ки-

бернетического искусства, поэтому особый интерес представляют произведения, в центре которых выступает жизнь в своих проявлениях. В своей основополагающей книге «Кибернетика» Норберт Винер (1948) набросал синтез цифровых вычислений, теории информации, техники управления и анализа временных рядов, психиатрии, науки о мозге и идеи обратной связи, чтобы создать междисциплинарное видение, охватывающее людей, животных и машин. Начиная с 1950-х и далее – в период расцвета контркультуры – произошел своего рода взрыв, рамки которого в настоящее время только расширяются. Художники восприняли не столько кибернетическое видение в целом, сколько отдельные его аспекты, позволяющие отличать новое от старых художественных парадигм живописи, скульптуры и музыки.

В Великобритании на это движение оказал влияние Рой Эскотт и его эссе «Кибернетическая позиция», в котором отразились многие из указанных тем: обратная связь и диалог, деконцентрация художника, производство искусства и связанная с ним «аудитория», отказ художника от самоконтроля как еще один аспект внутреннего опыта, стремление «делать вещи», «акцент на исполнении, не на том, что они есть, а на том, что они делают» [1]. Обратная связь была бы очевидной отправной точкой в изучении кибернетического искусства, но до этого можно обнаружить интерес к деятельности, производительности, поведению, действию. Это непростая тема для обычных статических художественных форм. Имеют место кибернетические работы, которые делают эту тенденцию явной, работы того, что можно назвать «агентным реализмом». Отправной точкой в данном случае могло бы быть биоискусство, которое непосредственно показывает живость и активность мира, используя органическую материю в качестве среды. Но, возможно, биоискусство делает это слишком просто.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Pickering A. Cybernetic art. URL: <https://www.researchgate.net/publication/354025217> (First downloaded 28.01.2023) (дата обращения: 17.05.2024).

PHILOSOPHY OF SCIENCE IN THE CONDITIONS OF MODERN INFORMATION SOCIETY

O. V. Letov

The article is devoted to the problem of the evolution of the philosophy of science in the context of modern information society. The ethical consequences of this process are subject to consideration. **Artificial intelligence, ethical consequences, digitalization of society, artifact.**

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ДИАЛОГ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ

Е. А. Счастливецва, Л. В. Балабаева

В статье рассматриваются взгляды В. И. Герье на взаимосвязь трех институтов власти: Государственной думы, Государственного совета и императора. Взгляды В. И. Герье на развитие конституционного монархизма в России проливают некоторый свет на саму русскую революцию, становление парламентаризма и политических партий в нашей стране в начале XX века.

В. И. Герье, русская революция, политические партии, кадеты, конституционная монархия, парламентаризм.

История русской революции напрямую связана с деятельностью различных политических партий и движений. В данной статье мы рассмотрим механизм взаимоотношений между властью, представленной тремя политическими институтами в России начала XX века после царского Манифеста 17 октября 1905 года: Государственной Думой, Госсоветом и императором. Работающие внутри Думы партии составляли ядро этого государственного института, и возникшие между ними разногласия шли не на пользу общему делу, взять хотя бы основной вопрос – аграрный. Нам хотелось рассмотреть ряд вопросов, непосредственно завязанных на деятельности отдельных партий («Прогрессивного блока»), в том числе обсудить вопрос революционного «переворота» в феврале 1917 года [7, с. 438]. Но для начала мы проанализировали ряд работ выдающегося историка и философа Владимира Ивановича Герье (1866–1919), бывшего в самой гуще событий русской революции, ее начала и утверждения ее итогов [1]. В 1876 г. В. И. Герье избирается гласным Московской городской думы и Московского губернского земства, где работает вплоть до 1906 года. Он участвует в работе различных земских комиссий, а также возглавляет думскую комиссию об общественных «пользах и нуждах» [5, с. 16]. В своих работах ученый критикует работу либеральных партий в Государственной Думе и защищает деятельность Государственного Совета и самой Думы совершенно по объективным причинам. Приведем несколько отрывков из его работ. «Думе предоставлено право контроля над администрацией по всему пространству империи», – писал Герье [2, I].

Во-первых, Государственная дума обсуждает и утверждает совместно с Государственным советом режим доходов и расходов. Это – громадное полномочие, поскольку влияет на все направления хозяйственной жизни страны, и через них – на внутреннюю и внешнюю политику государства. Роль формирования бюджета – наиглавнейшая в государстве, ведь от нее зависит благополучие всех социальных слоев населения и предпринимательства, а также выполнение обязанности платить налоги. Во-вторых, роль Государственного со-

вета проявляется во взаимодействии народа и народного представительства с государственной властью. Как монархия нуждается в ограничении своих полномочий, так и народ требует ограничения для проявления самовластия, а потому и созданы во всех европейских странах двухпалатные парламенты. Так, Монтескьё уже говорил о возможном деспотизме большинства избирателей, противопоставляя ему деспотизм господствующей партии. Так, Барро (вождь либеральной оппозиции при июльской монархии во Франции), утверждал, что только существование противовеса и постоянная ее критика может спасти демократию «от самое себя». Нижняя палата, полагал он, может выбрать вредную для государства, но популярную меру. Герье делает вывод, что не только сам институт, но и состав Государственного совета в России вполне соответствует историческому ходу вещей и характеру русской Конституции [2, I].

Именно Государственный совет является посредником между правительством и народным представительством. Избранные в Госсовет члены вошли в него именно в том составе, как и 100 лет тому назад, но представляют собой не человека или группу людей, а уже области или группы людей со специальными интересами. В-третьих, Госсовет может выполнять роль сдерживающего Госдуму механизма. Есть специфическая ст. 108 Основного закона и ст. 33 Учреждения Государственной думы, по которым можно предотвратить не только переворот в стране, но и устранить произвол администрации, а также внушить простому человеку чувство законности. Это – право обращаться к министрам с запросами по поводу «таких, последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений, которые представляются незаконными. Правом запроса можно злоупотреблять ради политической борьбы, чтобы привести правительство в полную зависимость от Думы (как это было во время первой Думы для устранения министерства и захвата министерской власти) [3, III]. Герье считал, что министры должны быть ответственны только перед своим монархом. Его нельзя обязать и удалять своих министров в тех случаях, когда они во внутренней политике или в государственном хозяйстве не сойдутся с лидерами партий в Думе [4]. Именно поэтому государю нужно предоставить свободный выбор министров из Думы или вне ее. Нельзя лишать монарха того права, на которое претендует и имеет его обычный гражданин – права действовать по своему убеждению, а не против него.

Наследственный монарх, не может подать в отставку, равно как и президент республики, полагал на тот момент ученый. Высказывая положительную роль конституционной монархии и парламентаризма в целом для России, Герье, тем не менее, критикует партии и их вождей. Вот какой эпиграф он находит по этому поводу: «Относиться к партиям с идеалистическим восторгом, как об этом справедливо заметил один политический мыслитель, способны лишь незрелые юноши» [2, III]. Он не случайно обращается с критикой партийной системы и парламентаризма в целом, ведь его взгляды простирались в области конституционного монархизма, о чем свидетельствует анализ приведенных здесь источников – работ ученого. В чем же заключалась эта критика? Прежде

всего, Герье говорит, что в основе образования партий лежит материальный интерес, теория или доктрина (клирикализм, революционный фанатизм), поэтому партии большей частью однородны, ослеплены, несправедливы, управляемы, склонны ставить партийный интерес выше общего блага. В некоторых случаях деятельность партий принимает уродливый характер, «опасным наростом на общественном организме», что в основании их идей лежит «восполнение о претерпенной обиде или упорное поклонение исчезнувшим идеям или поверию» [3, III]. Критикует Герье и партийных членов, называя их рабами партийной дисциплины. Выступил он и против «выборгского воззвания». Кроме того, «вредное влияние партий» усмотрел Герье в их воздействии на общество посредством прессы. «Вредное влияние партий» он называет «партийным терроризмом» и замечает при этом, что в России именно во времена так называемого «освобождения» совершается более всего преступлений, грабежей банков, почт, частной собственности, погромов и бессмысленного истребления жилищ, хлеба и скота; и даже не отличить, где кончается освобожденец и начинается разбойник? «Народ, который не хочет видеть, должен будет почувствовать» – вспомнил он слова Джорджа Вашингтона [2, III].

Тем не менее, все эти политические взгляды ученого не умаляют его прогрессивных политических суждений и взглядов на конституционализм в целом. Он, к примеру, пишет следующее: «Судьба русской конституции, плоды, которые она может дать, а в связи с этим и будущность страны – в зависимости от того, какое установится на первых порах общее мнение о современной конституции. В особенности важно это в настоящую минуту, когда приближаются выборы во вторую Думу; наступает момент, когда всякому избирателю придется задать себе вопрос: кого же уполномочить стать выразителем общественного мнения в Государственной думе. Посылать ли туда людей, которые понимают ее значение и сумеют извлечь из нее пользу для страны, или же таких, которые, как выражались в первой Думе, будут видеть в ней лишь «этап к революции», или, на добрый конец, собираются туда, чтобы пошуметь, себя показать и во всяком случае что-нибудь урвать. Но ведь это не погром, где всякий старается как можно больше растащить. Урвать для кого и на что? Тут не должно быть речи об интересах лиц или партий. Это дело государственное, и на него нужно смотреть с точки зрения государственного интереса» [2, I].

Герье на все смотрит с точки зрения государственного интереса, анализируя различные формы и типы государственного правления, и находит при этом, что наиболее оптимальной формой для России станет конституционная монархия, зарождающаяся прямо на его глазах, ростки которой пробивались сквозь гущу различных политических событий и партий. Однако его надеждам не суждено было осуществиться. Парламентская республика, за которую выступали кадеты и октябристы («Прогрессивный блок») могла дать стране преимущества демократического правления, однако кадеты не смогли удержать власть; не удержали ее и конституционные монархисты, в лагере которых был и Герье. В чем причины второго события, почему не удалось сохранить монархию при

ее поддержке правительственными кругами, как полагал ученый? Почему стране нужны были более радикальные меры, почему конституционный монархизм она восприняла как полумеру, не релевантную политической и экономической ситуации в России? Все эти вопросы непосредственно вытекают из анализа трудов выдающегося ученого и политика В. И. Герье, но ответить на них в небольшой статье не представляется возможным, как невозможно представить себе единую схему русской революции [6, с. 36].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герье В. И. Второе раскрепощение. Общие прения в 8-й Государственной Думе: По указу 9 ноября 1906 года. М., 1910. 232 с.
2. Герье В. И. О конституции и парламентаризме // ЛитРес :сервис электронных книг. URL: <https://www.litres.ru/book/vladimir-gere/o-konstitucii-i-parlamentarizme-v-rossii-25577691/chitat-onlayn> (дата обращения: 24.06.2024).
3. Герье В. И. Очерк развития исторической науки. М. : URSS, 2010. 115 с.
4. Герье В. И. Первые шаги бывшей Государственной Думы. М., 1910. 124 с.
5. Лубков А. В., Савельев П. Ю. Владимир Иванович Герье: человек, ученый, педагог и общественный деятель // В. И. Герье. История римского народа. М. : Просвещение. 2002. 349 с.
6. Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, социальная мобилизация в XX веке. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив. 2017. 656 с.
7. Шубин А. В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М. : Родина МЕДИА, 2014. 452 с.

THE HISTORY OF THE RUSSIAN REVOLUTION: A DIALOGUE BETWEEN THE GOVERNMENT AND SOCIO-POLITICAL PARTIES

E. A. Schastlivtseva, L. V. Balabaeva

The article examines the views of V. I. Guerrier on the interrelation of three institutions of power: the State Duma, the State Council and the Emperor. V. I. Guerrier's views on the development of constitutional monarchism in Russia shed light on the Russian revolution itself, the formation of parliamentarism and political parties in our country at the beginning of the twentieth century.

V. I. Guerrier, the Russian Revolution, political parties, cadets, constitutional monarchy, parliamentarism.

УДК 111+159.955.4

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИИ

М. А. Беляков

В статье рассматриваются теоретические основы, которые могут лежать в основе разработки формальных средств описания рефлексии. Также представлена оригинальная математическая модель, основанная на понимании рефлексии в качестве фундаментального онтологического свойства нашего мира.

Системный подход, рефлексия, рефлексивное взаимодействие.

Диалог власти и общества, вероятно, никогда не будет вполне адекватным и конструктивным без понимания тех основ, которые лежат в основе их

взаимодействия. В основе разумного диалога стоит рефлексия, которая традиционно связывается с мыслительной активностью человека. В данной работе нас будут интересовать способы формализации рефлексии. Конечно, не мы первые ищем решение данной проблемы, например, в математике присутствуют определенные формальные эквиваленты рефлексии, носящие название рефлексивных схем [1], которые используются в основном для изучения вопросов сложности аксиоматизации формальных теорий. Также нельзя не упомянуть работы Лефевра [2], где представлены интересные и достаточно разработанные математические модели рефлексии. В отличие от работ Лефевра, где изучалась, в основном, социальная рефлексия и начало рефлексивных процессов связывалось со схватыванием, целостным отражением какой-либо ситуации общения, мы будем использовать более широкий подход, попытаемся распространить рефлексию на максимально широкий класс явлений.

Данная работа носит в большей степени философский характер, нежели формально-логический, иначе говоря, мы будем много рассуждать, но мало представлять конкретные формулы и вычисления. Мы лишь коснемся наиболее общих основ, которые должны поспособствовать возникновению ориентиров на пути формализации реального явления, благодаря которому у человека имеется возможность адекватно взаимодействовать с окружающим миром. Итак, обратимся к теории.

Несмотря на огромное разнообразие окружающего мира, можно заметить, что в нем наблюдается некоторое сходство явлений и процессов. Например, зимой мы можем посмотреть на улицу и увидеть снег, который состоит из уникальных снежинок. Или мы можем пойти в лес и увидеть множество разнообразных деревьев, которые его формируют. Иначе говоря, наряду с уникальными явлениями, нас также окружают и классы, которые состоят из совокупностей вещей. Мы не будем сейчас рассматривать вопрос о том, какое отношение имеют классы к реальности, но попытаемся выяснить, каким образом мы можем формализовать данную способность человека к унификации окружающего мира. Для этого зададимся вопросом о том, что составляет основу каждого класса?

Вероятно, в каждом классе мы можем выделить некоторый первичный, далее неразложимый элемент, исчезновение которого приведет к разрушению всего множества. Данный элемент, на наш взгляд, представляет особый интерес, поскольку благодаря факту его присутствия в мире и, что важнее, благодаря его постоянному самокопированию, в результате которого образуется множество, какой-нибудь класс, у нас появляется возможность предположить наличие некоего фундаментального онтологического свойства. Задумаемся, что может стоять за фактом простого многократного дублирования первичного элемента? Нет ли здесь процесса, который происходит с необходимостью?

Если мы будем рассматривать первичный элемент сам по себе, безотносительно того множества, к которому он относится, то должны заключить, что наиболее характерной его особенностью является полная изолированность, полная оторванность от каких-либо связей на начальном этапе формирования

множества. В самом деле – за ним не может быть ничего, поскольку он является простейшим, далее неразложимым, а после него стоит только он сам, поскольку из него образуется все множество. Изолированность первичного элемента исчезает благодаря тому, что связи буквально возникают из ничего, когда образуется некий класс сходных элементов (особо отметим, что мы не предполагаем наличия какой-либо абсолютной идеи в мире либо цели у природы – на наш взгляд это порождает огромное количество неразрешимых проблем, по поводу которых можно дискутировать до бесконечности, и которых можно избежать если предположить наличие фундаментального онтологического свойства рефлексивного копирования первичного элемента). Данное фундаментальное свойство первичного элемента многократно копировать, отражать себя, мы и будем понимать под рефлексией.

Чтобы показать процесс постепенного образования связей, обратимся к множеству натуральных чисел: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7..., где единица является первичным, далее неразложимым, элементом, из которого складывается все множество. Следует отметить, что поскольку первичный элемент является наиболее простым из возможных, то и его усложнение должно быть наиболее простым из возможных – он является изолированным, а значит, при создании множества он может опираться только сам на себя, то есть после единицы обязательно должна быть двойка, а не один с половиной или три.

Отождествим натуральный ряд чисел с каким-нибудь реально существующим множеством, например, с лесом, состоящим из лесных существ. Под натуральным рядом мы будем понимать теперь все множество лесных существ, а также все множества их структурных состояний. Условимся, что 1 – это начальное, максимально простое структурное состояние лесного существа, 2 – это второе структурное состояние данного лесного существа, полученное в результате рефлексии и т. д. Отметим, что мы пытаемся отождествить числа не с отдельными вещами, а с их состояниями – мы пытаемся формализовать не отдельные вещи, а структуру этих вещей. Поскольку это достаточно важно, то максимально просто попытаемся пояснить нашу мысль следующим образом. В нашем примере 1, 2, 3 не равны соответственно первому, второму и третьему лесному существу, но единица равна максимально простой структуре какого-либо лесного существа, двойка равна минимально возможному усложнению структуры того же самого лесного существа и так далее.

После унификации таким образом всего множества лесных существ, возникает вопрос, как можно выделить их уникальность и качественное разнообразие? На наш взгляд, очень удачно индивидуальность можно выражать через кратность чисел. Например, уникальность условной ели мы можем выразить через кратность двойке (соответственно все множество ее структурных состояний составляет ряд 2, 4, 6, 8...), а уникальность условной сосны можно выразить благодаря кратности тройке (ее структурные состояния оставляют ряд 3, 6, 9, 12 и т. д.). Здесь следует ввести понятие рефлексивного момента, который может быть удобным при формализации рефлексии. Под ним мы будем понимать наиболее простое из возмож-

ных усложнение системы в результате рефлексии. Соответственно, вместо кратности можно говорить о рефлексивном моменте.

Можно заметить, что ель и сосна в нашем примере, обладая рефлексивными моментами равными соответственно двум и трем, имеют много пересечений и в ряде случаев сосна как будто становится елью, и наоборот. В этом нет ничего страшного, то, что мы структуру ели выразили через кратность двум, а структуру сосны благодаря кратности трем, довольно условно. Мы могли бы выразить уникальность этих двух существ через рефлексивные моменты 49 и 57, например, и у них было бы значительно меньше общих структур. Однако эти общие точки обязательно должны быть, поскольку без них становится совершенно непонятно как две системы могут взаимодействовать и взаимно отражать друг друга.

Помимо отдельных видов мы можем ввести и дополнительные таксономические группы, которые могут напрямую пересекаться друг с другом или же опосредованно, через принадлежность к более широкому классу. Например, четность соотносит с царством растений, а нечетность с царством животных и внутри уже этих групп выделять отдельные виды. Тогда ель могла бы у нас стать условно кратной 6 (ее множество структурных состояний – 6, 12, 18, 24...), а сосна условно кратной 10 (ее множество структурных состояний – 10, 20, 30, 40...).

Теперь введем понятие рефлексивного взаимодействия. Под ним мы будем понимать способность одной системы воспроизводить структуру другой системы в результате взаимодействия с нею. Для примера рассмотрим, каким образом система с рефлексивным моментом равным четырем может отразить структуру системы с рефлексивным моментом равным трем. Здесь предполагается, что первая является активной, воздействующей, вторая же является пассивной, претерпевающей. На наш взгляд, отражение возможно именно в общих точках, о которых мы говорили выше, то есть в тех случаях, когда рефлексивные моменты обеих систем совпадают. В нашем примере, у системы кратной четырем возможны следующие структурные состояния: 4, 8, 12, 16, 20... Соответственно, при структурном состоянии равном 12, которое имеется также и у системы кратной трем, одна система отражает другую. Как можно заметить, нет ничего сложного в том, чтобы определить результат рефлексивного взаимодействия двух систем. Для этого мы просто перемножили их рефлексивные моменты – четыре и три. Данное правило не является абсолютным и основная идея здесь в том, чтобы найти наиболее простое общее структурное состояние двух систем.

Довольно наглядно пояснить наши соображения можно, если мы перейдем от арифметики к геометрии. Заменим кратность угольностью. Для этого условимся, что системой кратной трем у нас будет треугольник – фигура с тремя углами, а системой кратной четырем будет квадрат – фигура с четырьмя углами (рис. 1).

Система, кратная трём

Система, кратная четырем

Рис. 1

Зададимся вопросом, как квадрат может отразить, отрефлексировать треугольник. На наш взгляд, отражение происходит в этом случае (рис. 2).

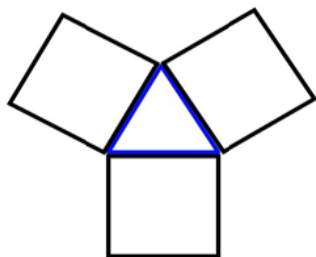

Рис. 2

Здесь видно, как квадрат повторил себя три раза, в результате чего получилась условная многоугольная фигура.

Конечно, в нашем способе формализации можно заметить множество условностей и допущений. Мы не утверждаем, что наш подход идеален, но лишь нащупываем дорогу, ищем ориентиры для правильного пути. Мы лишь указываем те основные моменты, на которые следует обратить внимание при попытке формализации рефлексии в соответствии с нашей теорией. Кроме того, мы, хотя и чрезвычайно просто, показали каким образом можно объединить математику и геометрию при описании рефлексии. На наш взгляд, чем большее количество формальных систем может описывать одно и то же явление с одинаковых теоретических позиций, тем лучше, поскольку более полно его раскрывает. Правда следует заметить, что геометрию мы используем в основном для наглядности, а более последовательные выводы у нас получаются в математике.

Разумеется, мир намного сложнее, чем та модель, что мы представили. Более того, все наши способы формализации будут не совсем адекватны действительности если мы не отметим еще одно очень важное свойство реальности. Помимо способности к самокопированию, многократному повторению своей сущности, своей самости, каждая система может и должна изменяться под влиянием обстоятельств. Если до этого мы рассматривали, каким образом происходит взаимодействие различных структур, то теперь следует указать, какое влияние оказывает на характер этого взаимодействия первичный элемент, который лежит в их основе.

Например, у нас возникнут большие затруднения, если мы попытаемся с помощью квадрата описать звезду.

Здесь отражение будет неполным – у нас не получится без пропусков подогнать наш квадрат к звезде так, чтобы они полностью соприкасались друг с другом. Однако у нас получится более удачный вариант, если мы подвергнем квадрат условной «мутации» и попытаемся описывать звезду с помощью фигуры, представленной на рис. 3.

Рис. 3

Возникает очень важный и наиболее захватывающий, на наш взгляд, вопрос: имеются ли какие-либо структурные ограничения, препятствующие или, наоборот, способствующие мутации системы? В живой природе имеются полезные и вредные мутации, но можем ли мы каким-нибудь образом связать их с изначальной структурой и формализовать таким образом?

В рамках данной работы мы не готовы представить достаточно полный ответ на этот вопрос, но лишь попытаемся предположить возможное направление рассуждений. Для этого полностью отвлечемся от геометрии и будем рассматривать характер рефлексивного взаимодействия только применительно к математике. Например, рассмотрим, каким образом система с рефлексивным моментом 7 может отразить систему с рефлексивным моментом 9. Умножаем их рефлексивные моменты и получаем общее структурное состояние 63, при котором происходит отражение. Однако система, кратная 9 кратна и многим другим числам, например, 36. Соответственно система 7 может более эффективно отражать систему 9, если мутирует в систему 12. В данном случае ей придется копировать себя всего три раза и у нее возникает больше общих структурных состояний с девяткой, чем ранее. Исходя из вышесказанного можно предположить, что полезной мутацией является та, в результате которой у двух систем возникает больше общих структурных состояний, благодаря чему происходит более эффективное отражение (на него тратится меньше ресурсов), а вредной мутацией является та, где общих структурных состояний меньше. Заметим, что мы решили вопрос о полезных и вредных мутациях только с помощью формальных средств и при переносе формальной модели на реальность обязательно должны возникать дополнения и уточнения у исходной модели.

Примерно в таком направлении, на наш взгляд, должно происходить развитие формальных средств описания рефлексии. Разумеется, наша модель во многом схематична, однако работа в данном направлении должна вестись, поскольку без понимания тех основных закономерностей, благодаря которым функционирует наше мышление диалог власти и общества никогда не будет достаточно плодотворным. Любой формальный подход открывает огромные прогностические возможности, а конкретно наш нацелен на то, чтобы находить точки соприкосновения между внедряемыми социальными моделями и запросами общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Беклемишев Л. Д. Схемы рефлексии в формальной арифметике : автореф. дис. ... д-ра физ.-матем. наук / РАН математический институт им. В. А. Стеклова. М., 1998. 21 с.
2. Лефевр В. А. Рефлексия. М. : Когито-центр, 2003. 496 с.

MEANS AND METHODS OF FORMALIZATION OF REFLECTION

M. A. Belyakov

The article discusses the theoretical foundations that should underlie the development of formal means of describing reflection. An original mathematical model based on the understanding of reflection as a fundamental ontological property of our world is also presented.

Systematic approach, reflection, reflexive interaction.

ГИПЕРТЕКСТ В РОССИЙСКОМ АКТУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ*А. Б. Бушев*

Статья посвящена современному пониманию текста в актуальном и цифровом искусстве, его новым характеристикам. Приведены показательные наблюдения над авторскими интерпретациями искусства, его объектами, свойствами текста искусства. В статье отмечаются качества веб-среды, поддерживающие цифровое искусство.

Арт-дискурс, цифровизация, медиатизация, гипертекст, теория текста, виртуальный текст, современное искусство, текст цифрового искусства.

Показательна современная цифровизация и медиатизация многих сфер жизни и многих дискурсов. Налицо особенности такой среды, ведь в медийной коммуникации состоялась нивелировка границ между межличностной и массовой коммуникацией. Налицо и другие особенности медийного дискурса – увеличение объема и плотности коммуникаций, расширение информационного пространства, дробление информации, усиление роли субъективной оценки, возникновение ролей субъекта коммуникации, деперсонализация, анонимность, карнавализация, изменение субъекта сетевого общения, размытость идентичности, «битва дискурсов» и т. д. Явственна важность информационной социализации и самопрезентации в виртуальной среде.

Для социологической науки XXI века показательным оказалось осмысление феномена виртуальности [2, 3, 5, 6]. В этих работах складывается представление о новом этапе культуры. Свойствами виртуальности являются порожденность, актуальность, автономность и интерактивность. При этом коммуникативная виртуальная реальность понимается как искусственно созданная информационная среда, основанная на технологиях виртуальной реальности, основной целью существования и функционирования которых является коммуникация, то есть передача или взаимообмен информацией между людьми. Ряд исследователей считает, что осуществляется обмен не информацией, а коммуникацией, этим теория виртуализации отличается от теорий информационного общества, представления о котором сложились по мере того, как Запад вошел в постиндустриальную эру (Д. Белл, З. Бжезинский, А. Тоффлер, Я. Масуда, Дж. Несбит).

Показательна важность тиражирования, трансляции, в не производства или интерпретации знания. Вплоть до парадокса: более информированным в новой культуре оказывается человек, который участвует в большем количестве коммуникаций, а не больше знает.

Цифровизацию характеризует иллюзорность и гиперреальность. В центре виртуальности находятся рекомбинантные знаки, разрушающие связь между процессами передачи сообщения и его смыслом. Виртуальная культура – рекомбинантная – приравнивается к пользованию операционной системой. Описывается общество, в котором производство, распределение и коммуникация

в значительной мере происходят в виртуальном пространстве. Виртуализация понимается и как опосредованный и вызванный компьютеризацией процесс замещения реально существующих структур виртуальными конструктами. Основной сферой виртуальности является уничтожение настоящей мысли и замена ее симулякром. При этом показательны условность, эфемерность, «киберпротезирование» (создание виртуального аналога реальности), иная стратификация в виртуальном общении.

Разделять онлайн и офлайн больше смысла нет. Д. В. Иванов полагает, что коммуникация в современном обществе предполагает не рациональную денотацию объекта, а создание его образа, мобилизующего эффективные коннотации [2]. Коммуникация – это операция между сообществом и интерпретируемым. Отсюда строится игровая теория виртуализации. Показательными являются мнения о внедрении принципов игры, ее эвристических моментов в прагматику жизни.

В связи с виртуализацией коммуникации в последние годы нами представлена программа исследования интернет-коммуникации [1]. Первоначально в рамках указанной программы кратко обсуждались следующие виды современных сетевых дискурсов (подразделенных нами в зависимости от функции): интернет рассматривается как образовательный инструмент; как источник медийного контента; как медиум культуры и «виртуальные протезы»; как контент для хобби; как инструмент политической мобилизации; как инструмент экономической активности; как канал общения с госорганами; как средство для внутреннего мира человека и общения.

В интернете представлено любое исполнительское мастерство – актерское, музыкальное. Существуют большие хранилища на дисках, в сети различного киноискусства, целый музей кино. Это работает в Сети, несмотря на действие всяких запретов, связанных с нарушением авторского права. Можно отметить, что широко представлены не самые распространенные, редкие дискурсы – например, деятельность молодых кинематографистов, короткометражное кино, документальное кино. Произошла цифровизация архива телевидения, что важно для разговоров о принципах, достижениях и истории телевидения. В цифровой форме возможен доступ к знакомству с балетом¹.

Теория коммуникации обращается к общению в текстовой форме, выполнению языком своих функций в тексте. Понимание текста сегодня отличается от представления о когерентно и когезивно связанных между собой предложениях [4]. Во-первых, сказываются художественные практики абсурда, нон-сенса. Во-вторых, влияют мультимедийность и визуализационные практики.

Задача настоящей работы – продемонстрировать, как изменилось понятие гипертекста в искусстве, как компьютерная среда влияет на понимание сверх-

¹ Например: URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5fa99a1b00a71e1140e11ad7/bolshoi-teatr-kakie-vremena-takie-i-jizeli-602a959a8e2e533749430822?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 20.06.2024).

текста искусства. Для этого проводится анализ художественных практик, практик музейных институций и интерпретаций современного текста искусства.

На наших глазах произошла цифровизация сверткста пластического искусства – галерей, хранилищ, лекций, бесед, опыта художников (в том числе вербальных, перформансных высказываний), журнальных и монографических публикаций. В череде фигур, объясняющих искусство, занимает значительное место сам художник (пример – активная искусствоведческая практика, аутопоэтика Д. Гутова).

Интернационализация арт-дискурса заключается в том, что национальные культуры, влияют друг на друга через интернет, есть международные выставки и перемещение художников, тесная связь с зарубежным современным искусством. Сюда же относится явление биеннале, прежде всего Венецианского, Базельского, Берлинского, Дакарского и ряда других смотров. Все они представлены блогерами на you-tube, на сайтах, в медиа, формируют единый арт-дискурс.

Но цифровизация и интернационализация – не единственные результаты современного этапа. Показательно появление в художественном творчестве новых тем: миграции, экологии, гендерной идентичности, искусственного интеллекта и многих других. Возникло искусство, создаваемое в цифровой среде (видеоарт, медиаискусство, виртуальное искусство, мультимедиа и компьютерное искусство; видеоинсталляция, нет-арт). Причем показательно смешение техник старых и новых. Произошло расширение понятия «искусство» и включение того, что ранее относилось к ремеслам или другим сферам, например, комиксы и дизайн одежды.

Мы можем констатировать и тот факт, что произошло изменение отношения к диалогу искусств со зрителем: показательным является появление «совместного искусства», в котором арт-объекты направлены на прямое взаимодействие со зрителем.

Дискурс создается средствами визуализации, перформанса, вербализации. Значим баланс визуального, вербального, перформансного в современном арт-дискурсе. Современное искусство – не только и не сколько картины, а практики, порождающие художественность на многообразных материалах: артобъекты, перформансы, инсталляции, техники, связанные с цифрой, виртуальные объекты. Эти новые среды искусства пытаются зафиксировать музейные институции.

Значимым фактором развития интернет-арт-дискурса является появление в России центров и музеев современного искусства (Гараж, Московский музей современного искусства, Эрарта, Мультимедиаартмузей, Art4ru. центров современного искусства на Урале, в Нижнем Новгороде, Перми и т. д.) Важным является наличие премий, резидентских программ, лекций, конференций. Показательно, что этими и другими институциями стимулируется кураторская и искусствоведческая практика, то есть искусство требует истолкователей, осуществляется экфрасис. В формировании дискурса участвуют ресурсы библиотек, музеев, лекториев, книжных магазинов, журнальная продукция и блоги по актуальному искусству.

Ключевую роль играет воспитание зрителя – просветительская деятельность. Знакомство с ландшафтом современного искусства, который немислим без ключевых фигур – «позывных» дискурса: Бойс, Фрейд, Херст, Капур. Феминистское искусство представлено, например, следующими именами: Ева Гессе, Гего, Луиз Невельсон, Кики Смит, Луиз Буржуа...

Так, онлайн-программа биеннале «Искусство будущего» демонстрирует вариативность решений и подходов, к которым обращаются современные художники при создании проектов в виртуальном пространстве. Коммуникативность веб-среды, ее инклюзивность, разнообразие и свобода, а также доступность широкой аудитории, позволяющая непосредственно контактировать со зрителем – те качества, которые привлекают внимание художников.

Раздел онлайн-проектов постоянно пополняется новыми работами. Показательно, что для программы отобраны работы, созданные изначально или адаптивные для персонального компьютера или смартфона, не теряющие художественной ценности от показа в онлайн-формате. Художественные произведения структурированы по системе тэгов: веб-проекты, видеоигры, дополненная реальность, мобильные приложения, нейросети и др.

Приведем примеры новых художественных практик и новых цифровых текстов искусства. Так, художник Анна Энгельхардт исследует технологические инфраструктуры, обращая внимание на механизмы производства знания и объективности в онлайн-пространствах эпохи постправды. В многосоставной работе «Машинные инфраструктуры правды» производство фейкового контента рассматривается как развязывание кибервойны и раскрывается в серии интервью, визуальных репрезентаций и тактик взлома систем, призванных верифицировать данные и измерить поведение пользователей.

Художница рассуждает: «Как исследовательницу кибервойны меня интересует механизм производства фейкового контента» Чтобы исследовать текущую идентичность того, что считается фейком, я картографирую машинные инфраструктуры правды (Machinic Infrastructures of Truth, M. I. T.). Этим термином я обозначаю программно-аппаратную часть систем верификации, функционирующих на базе связанных между собой автоматических трекеров. Такие системы измеряют внимание пользователей с помощью куки-файлов, прозрачных изображений, геолокационных сигналов и других инструментов. Превращая взаимодействие пользователей в стандартизированный товар, машинные инфраструктуры правды устанавливают протоколы, которые меняют поведение пользователей, вместо того, чтобы просто его измерять. Несмотря на то, что изначально подобные инфраструктуры создавались для привлечения и удержания аудитории, сейчас они запускают цепи обратной связи, дезинформируя и поляризуя пользователей, и не поддаются контролю платформ, в интересах которых они работают» (цитируется с вышеуказанного сайта¹).

¹ URL: https://artforthefuture.art/2021/online_projects/index.php?lang=ru (дата обращения: 20.06.2024).

Налицо сложная система объяснения искусства, современный субстрат, современная тематика – характеристики этапа цифрового искусства. Принципиально иными являются характеристики такого текста (создаваемость на случай, индивидуальность маршрута в тексте, взаимодействие с читателем, мультимедийность, конвергентность, трансграничность, гипертекстовость).

Итак, в качестве вывода предложим принципиально иные характеристики текста в современном искусстве, особенно в цифровом искусстве. Меняется художественный объект, меняется среда его создания, его интерпретация. Характеристики цифрового текста отличают его от классического традиционного текста, изучаемого лингвистикой и литературоведением и даже от креолизованного текста, изучаемого теорией дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бушев А. Б. Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности: сетевой дискурс : учеб. пособие для вузов. СПб. : Лань, 2023. 180 с.
2. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб. : Петербургское востоковедение. 2002. 96 с.
3. Силаева В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2004. 30 с.
4. Филиппов К. А. Лингвистика текста. СПб. : СПбГУ, 2003. 306 с.
5. Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000.
6. Kroker A. Weinstein M. Data Trash: The Theory of Virtual Class. Montreal, New World Perspectives, 2001.

HYPertext IN RUSSIAN CONTEMPORARY ART

A. B. Bouchev

The paper is devoted to modern comprehension of text in contemporary and digital art, its new characteristics. The author analyses creator's interpretations of art, its objects, and characteristics of texts of contemporary digitalized art. The paper highlights the qualities of digital environment supporting digital art.

Artistic education: arts discourse, digitalization, media effects hypertext, theory of the text, virtual text, contemporary Russian art, digital art text.

УДК 321

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

К. С. Анфимова

В статье рассматривается политическая обратная связь как ведущий диалоговый принцип и условие реализации представительной демократии.

Политическая обратная связь, представительная демократия, государство, гражданское общество.

В условиях демократизации современного общества и перехода к модели сетевой демократии, демократии участия и совместного действия, процесс современного политического управления все в большей степени приобретает форму активного взаимодействия государства и гражданского общества по поводу выработки и реализации совместных общественно-политических целей. В этом контексте информационно-коммуникационная инфраструктура такого взаимодействия приобретает особое значение.

В связи с модернизацией политической системы российского общества и нарастания волны политической активности «особенно важным становится институт политической обратной связи, позволяющий власти своевременно фиксировать тенденции развития общественных процессов, производить при необходимости коррекцию управленческих решений, преодолевать накопившееся общественное напряжение» [5, с. 245; 6, с. 8]. Именно поэтому «одна из первостепенных задач трансформации политической системы в интересах инновационного развития – реанимация эффективной обратной связи» [2, с. 5], [3, с. 12], [4, с. 241]. В представительной демократии она имеет наиболее ярко выраженные формы и публичный характер.

Являясь малоизученным институтом, обратная связь представляет собой важный и необходимый принцип осуществления общественно-политического диалога, являющийся показателем состояния результативности государственного аппарата. Как отмечал В. И. Арнольд, «управление без обратной связи всегда приводит к катастрофам...» [1, с. 38], а О. Ф. Шабров и вовсе настаивал, что «без обратной связи управления нет» [7].

Выстраивание продуктивных каналов и механизмов политической обратной связи в системе политического представительства становится необходимым фактором для поддержания гомеостаза политической системы, а вопрос ее эффективности становится краеугольным, определяя уровень организации политического управления. Потому для организации успешного взаимодействия управляющего субъекта (власти) на управляемый объект (общество) следует выявить роль механизмов и каналов политической обратной связи в политическом управлении и реализации принципов представительной демократии [4].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арнольд В. И., Теория катастроф. М. : Наука, 1990. С. 98–102.
2. Галкин А. Раздумья о трансформации политической системы // Власть. 2010. № 6. С. 4–12.
3. Зайцев А. В. Принцип обратной связи и институционализация диалога государства и гражданского общества // Социодинамика. 2012. № 2. С. 1–21.
4. Зайцев А. В. Институционализация диалога государства и гражданского общества в сфере публичной политики современной России : дис. ... д-ра полит. наук / Казанский федеральный университет. Казань, 2017. 431 с.
5. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика как ресурс и фактор посткризисной модернизации // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян ; Ин-т социологии РАН. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 241–261.

6. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Антикризисный потенциал публичной политики: введение в проблему ее состояния в регионах России // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 3. С. 4–13.
7. Шабров О. Ф. Политическая обратная связь // Олег Федорович Шабров : персон. страница. URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava5.htm> (дата обращения: 10.09.2024).

POLITICAL FEEDBACK AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY

K. S. Anfimova

The article examines political feedback as a leading dialogue principle and condition for the implementation of representative democracy.

Political feedback, representative democracy, state, civil society.

УДК 32.019.5

ПИСЬМО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕПИСКИ РОЗАНОВА И СТРАХОВА)

Е. А. Осипова

В статье концептуально рассмотрены письмо, свидетельство и этос наряду с пониманием как базовые категории в творчестве В.В. Розанова. Именно в средоточии этих определений складывается оригинальная жизнеутверждающая и литературоцентричная мысль Розанова, где топологическое построение рассуждений, сводимых в гетерогенном взаимодействии, дает возможность говорить об актуальных для современности этосе письма и этике событий.

В. В. Розанов, литература, понимание, письмо, свидетельство, переживание, неопределенность, этос, этика события.

В настоящее время в гуманитарных науках происходит переломный момент в изучении жанра письма, но до сих пор остается недостаточно изученным по сравнению с другими источниками личного происхождения. С точки зрения литературоведения письменность представляет малую эпическую форму, социология изучает информационную составляющую письма, источниковедение рассматривает с точки зрения личного происхождения, история воспринимает как второстепенный источник изучения. Но к началу XX века ученые пришли к мысли переоценке жанра письма и стали изучать с точки зрения как феномена культуры. Отсюда следует, что письмо, во-первых, служит средством коммуникации; во-вторых, является ценным культурным источником прошедших эпох; а в-третьих, несет в себе личную информацию об авторе и его взглядах на происходящие процессы.

Потому как на данный момент имеется достаточно различных литературных разработок эпистолярного жанра, как одного из важнейших составляющих теоретических знаний. Поэтому очень важно изучить историю письма как жанра, выявить функции, определить жанрово-стилистические особенности, про-

анализировать общественное мнение в отношении письма как источника информации в различные этапы его развития, а также рассмотреть новые взгляды и подходы.

Письменность человеку знакома с древнейших времен. Первоначально люди отправляли письменные послания на глиняных табличках или берестяных грамотах. С появлением письма в мире человека, оно стало неотъемлемой частью культуры. Отсюда следует, что письменность навсегда вошла в историю и сопровождала человека на всем пути развития, письмо послужило исследователям в качестве источника частной жизни. Несмотря на происходящие изменения в истории письма, оно сумело сохранить такие важные черты как письменность, информативность и прагматизм. Как отметила И. А. Едошина, в письме, а прежде всего в слове «возникает образ человеческой судьбы оставленной Богом и оказавшейся во власти рока» [6, с. 306]. Отсюда мы можем сделать вывод, что слово влияет косвенно на судьбу человека. В истории человечества известно множество примеров, когда слова являлись причиной войны или неправильные слова разрушали брачные союзы.

В XVIII веке в России происходит переоценка и становление культуры Нового времени, которая обратилась прежде всего к личности человека. Именно в этот период обращаются к жанру письма, как наиболее лучшую форму, раскрывающую личность автора. Выделяют виды писем: 1) общественное письмо – это письмо как культурно-коммуникационная деятельность человека по осмыслению действительности, умозрительных идей, рефлексии над собой, описанию времени и пространства над всем отстоит от печати, являясь ее предметом в морально-нравственных и идеологических достижениях.; 2) частное письмо – письменное личное обращение автора к отдельному лицу (или нескольким лицам), составленное с применением типичных эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и пр.). Среди отличительных признаков такого письма обычно называют также диалоговую форму, разнообразие тематики, многофункциональность; 3) письмо, прогресс и культура – это письмо, имеющее сходство с книгой, иногда имеет связь с литературной фантазией (с литературным сентиментализмом), а также могли нести идеологические цели.

В разное время письму уделяли особое место, так как переписка являлась одним из важнейших форм коммуникации [5, с. 15]. В научной среде в изучении во главе стоит вопрос: особенности письма как явление культуры. Данным вопросом занимаются: Л. Я. Гинзбург, Р. Т. Киреев, Б. Ф. Егоров, В. Я. Лакшин, А. М. Малахова. Указывая на особенности письма, Л. Я. Гинзбург пишет: «Этот род словесности многообразен. Он бывает совершенно стихийным, даже безграмотным; он строится иногда по книжным канонам или, напротив того, стремится создать иллюзию устной речи. В определенные эпохи и в определенной среде письмо тесно соотносится с современной ему литературой. И все же в любом случае оно сохраняет специфику промежуточного рода высказывания» [13, с. 310]. В более поздних работах, она написала о такой функции письма как взаимодействие между людьми: «Как одно из средств человеческого общения

письма имеют разное назначение. Они несут всевозможную информацию, они содержат размышления, наблюдения или выражают эмоции. Они удовлетворяют настоящую потребность человека в самоотчете, в том, чтобы осознавать и фиксировать протекание своей жизни. Те же функции выполняют письма писателей или тех, кто осуществлял свой литературный дар именно в эпистолярной форме (пример – знаменитые письма госпожи де Севинье). Письма писателя не всегда литература. Но и в этом случае часто есть связь между ними и его писательскими задачами» [9].

Противоположную точку зрения занимает Р. Т. Киреев: «Умышленно не делаю различия между так называемыми частными письмами и письмами, предназначенными для публики, поскольку четкой границы между ними все-таки нет» [7, с. 156]. Автор отмечает высокую ценность письма как носителя информационной эпохи: «Письма несут богатейшую информацию, они, непосредственные и неподкупные свидетели, воскрешают ушедшие эпохи, их нравы, вкусы и устремления, они мимоходом запечатлевают как мельчайшие подробности, так и события исторического масштаба (что знали бы мы о гибели Помпеи под огнем Везувия, не сохранись двух писем Плиния-младшего...), но все-таки прежде всего и ярче всего они повествуют о душе человеческой. О драмах, которые разыгрываются в ней» [7, с. 156].

Исследуя бытовое письмо, Л. Я. Гинзбург выделила его как отдельный жанр. При написании бытового письма автор воспринимает его как «потенциальный литературный факт», то его нужно отличать от письма «с заведомо литературной функцией» [14, с. 14]. В данных письмах разные субъекты высказывания. Очень часто в бытовом письме происходит отождествление с несуществующими персонажами, имеющих сверхспособности. Ярким примером служит переписка Герцена со своей невестой, где он выступает в роли некой демонической сущности, а невеста воплощает в себе идеал женщины, которая спасает демона. Отсюда следует, что переписка является важнейшим представлением взглядов на историческую эпоху. Исследователь отмечал, что общество, находясь в развитии в определенные периоды: «Существовали исторические периоды, когда в общей связи фактов культуры письма приобретали специфическую значимость. Обычно это периоды особенно острого самосознания и самоопределения личности... В русской культуре такова переписка в духе сентиментализма конца XIX – XX века» [9].

Другой ученый, М. П. Алексеев, рассматривал письмо не только как историческое свидетельство, а видел прежде всего близость к художественной литературе: «Письма писателей – важный источник, имеющий большое и разностороннее значение для изучения личности и творчества их авторов, времена, в которое они жили, людей, которые их окружали и входили с ними в непосредственное общение. Но писательское письмо – не только историческое свидетельство; оно существенно отличается от любого другого бытового письменного памятника, архивной записи или даже прочих эпистолярных документов; письмо находится в непосредственной близости к художественной литературе и может

порой превращаться в особый вид художественного творчества, видоизменяя свои формы в соответствии с литературным развитием, сопутствуя последнему или предупреждая его будущие жанровые и стилистические особенности» [9].

В зависимости от цели и содержания письма подразделяют на дружеские, деловые, любовные. По мнению А. И. Герцена, письма являются средством коммуникации людей и служат сближению: «Как сухие листья, перезимовавшие под снегом, письма напоминают другое лето, его зной, его теплые ночи и то, что оно ушло на веки веков, по ним догадываешься о ветвистом дубе, с которого их сорвал ветер, но он не шумит над головой и не давит всей своей силой, как давит в книге. Случайное содержание писем, их легкая непринужденность, их будничные заботы сближают нас с писавшим» [10].

Другая исследовательница, А. М. Малахова, указала на диалогичность письма, как бы происходит диалог автора самим с собой: «письмо – не разговор с самим собой о себе. В отличие от других жанров художественной литературы, переписка ведет прямой разговор о человеке с человеком». Отсюда следует, что письмо имеет сходство с эпистолярным жанром с воспоминаниями, автобиографией, философскими трактатами. Также она отмечает, что письмо выступает в роли совместного творчества, объединяет людей по интересам, взглядам по отношению к различным вопросам [8, с. 313].

Письмо также имеет ряд устоявшихся формальных признаков, составляющих эпистолярный этикет: дата, обращение адресата к адресанту в начале и конце письма и т. д.

Замечательно, что жители Костромы помнят свое прошлое. Культура – это, прежде всего, уважительная и активная память о предках. Чем больше вы погружаетесь в историю, чем глубже входите в жизнь того или иного мыслителя, историка, писателя или художника одной из предыдущих эпох, тем яснее становится понимание этого прошлого, и от него вполне ощутимые, хотя внешне невидимые нити тянутся к нашей современности.

Когда в результате тщательного изучения личность изучаемого человека вдруг «оживает», тогда время, в которое жил этот человек, становится более понятным, близким. Взаимосвязь культурных явлений придает жизни осмысленный характер, способствует преемственности поколений, позволяет нам лучше предвидеть будущее с помощью прошлого. И, наоборот, разрыв в культуре, забвение определенных важных звеньев в единой цепи культурных явлений искажают естественный ход духовного развития общества, приводят к нарушению онтологической, экзистенциальной связи между людьми.

Значение В. В. Розанова в этом процессе восстановления единого культурного «пространства», возрождения интереса к ряду незаслуженно забытых исторических имен трудно переоценить. И, конечно, важно, в частности для Костромы, что восстанавливается справедливость по отношению к самому Розанову. Его произведения становятся достоянием широкой читательской аудитории, и это позволяет нам надеяться, что со временем наш взгляд на историю русской культуры станет более разносторонним и объективным [3, с. 77].

Розанов строит свободное письмо с полным осознанием того факта, что литература имеет сверхъестественное измерение: автор одновременно является свидетелем захватывающего события и свободен. Автор рождается в письме («счастье писать – это счастье рождения»). А «писатель» – это особое существо, «монастырь – это писатель», как сказал Розанов о Н. Н. Страхове. Человека, пишущего письмо можно представить как «страдающее существо» – «не только о себе», ответственное «за всех нас». Отсюда идея родовой природы этоса и основы для подлинного свидетельства, а Церковь понимается как «единственная поэтическая» [4, с. 314]. Отсюда следует вывод, что письмо выступает в роли передатчика эмоционального состояния автора собеседнику. Обращаясь к переписке В. В. Розанова и Н. Н. Страхова, мы приходим к мысли, что письмо служило основным источником общения и передавало дух эпохи посредством изложения в нем мыслей о происходящих событиях. Между авторами писем происходит диалог, который иногда переходит в спор: «...что касается Лермонтова, я думаю, Вы ошиблись в тоне своем относительно его: когда я у Поливанова прочел ваши слова о нем, о том, что он неестественен и холоден – мне это ужасно понравилось... но когда я смотрю на вопрос в его целом, думаю, Вы не правы: он есть совсем не то, что наша художественная школа (Л. Толстой и др.) и что Пушкин, и нельзя его ценить, сравнивая с ними» [11, с. 180]. В. В. Розанов достаточно искренне писал Н. Н. Страхову о своих чувствах и переживаниях и допускал критику некоторых положений, выносимых Страховым в своих статьях.

Таким образом, В. В. Розанов ассоциировал Н. Н. Страхова как близкого друга, которому можно излить душу. В отличие от В. В. Розанова письма Н. Н. Страхова носили характер деловой переписки и общение поначалу велось из уважения: «Зачем Вам разбрасываться и истощать свои силы на порывистое писание и чтение» [11, с. 8]. Однако не все так однозначно, в дальнейшем переписка приобретает более теплый тон: «Прошу Вас откликнуться несколькими словами. Получили ли Вы мое письмо с месяц тому назад? ...Что Вы делаете? Здоровы ли и благополучны ли?» [11, с. 15]. Данная переписка не только демонстрирует диалог между двумя людьми, но и раскрывает литературные веяния эпохи, мысли, витающие в головах людей, но и раскрывает творческую личность с помощью взглядов на литературные произведения той эпохи. В данной переписке мы обнаруживаем достаточно много вопросов по философии: «1) Что такое смерть? Механическое или органическое явление? А действие борьбы за существование основано на истреблении, то есть на смерти. Далее – новые формы организмов отчего являются? Не механически. 2) Нужно различать невероятное и невозможное, в точном смысле этого слова. Энеида из рассыпанных букв – невероятное, но невозможное» [11, с. 30]. Отвечая на вопросы В. В. Розанова, Н. Н. Страхов пытается ответить на данные вопросы, но оставляет в некой тайне. Не только вопросы смерти поднимались между авторами, но и вопрос, волновавший всю Россию о национальной идее превосходства славянства. Именно тогда вышла в свет книга Данилевского «Россия и Европа»,

которая в нескольких письмах мелькала. В. В. Розанов напишет: «Кажется, это одна из тех проблем, которые вечно будут и до конца никогда не исчерпаются мыслью человеческой... Есть Мы и такие как мы!! – это навсегда останется столь же страстным криком, таким же отчаянным исповеданием, как иное растворяющее, поглощающее: Полноте» [11, с. 127]. Переписка между выдающимися людьми эпохи позволяет раскрыть душу самих авторов, а так же наиболее раскрывает истинный замысел произведений, цель написания статей и жизненные проблемы, которые подтолкнули на данные мысли.

Автор несет ответственность за свою творческую деятельность. Отсюда следует, что в переписке нужно учитывать не только моральные принципы, но и этические нормы. Обращаясь к творчеству В. В. Розанова, мы обнаружим сочетание этических норм с религиозным воззрением на жизнь. В своих размышлениях В. В. Розанов ставил перед собой вопрос: «Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали» [12, с. 21], что доказывает неоспоримую связь этики и религии для автора. Письма В. В. Розанова несут в себе подчас философский подтекст: «Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою» [10, с. 70]. Отсюда получается, что письма становятся некой универсальной формой в реализации смысла, то есть выступают в отношении постоянства «органического» у Розанова и тем самым показывают существенную взаимосвязь между механикой и письмом. В. В. Розанов истинно русский философ, который следовал канонам русской философии жизни, что доказывала его иногда скрытая – полемика с Ницше. Тема письма В. В. Розанова направлена не против органики, а против доминирования логического – отсюда деконструктивная критика «фалло-фоно-логоцентризма» [1, с. 209].

В. В. Розанов уже в самом начале «Одиночества» писал об одновременности отстраненности и связи с литературой. Казалось бы, здесь проще всего говорить о конкретных ценностных решениях и жизненном опыте, но Розанов, возражая, выходит за рамки какого-то странного «незнания добра и зла» – можно сказать, деконструктивно позволяет устояться самому понятию этос. И он особенно ставит это себе в заслугу, говоря о широте мысли и неизмеримости «прорыва горизонтов» [2, с. 14].

Письмо Розанова – это «русское письмо», доведенное до предела. Высказывание литературы о самой себе. Помогает вам найти свое место («нашел свое место в мире», *civis rossicus*) [3, с. 78].

Таким образом, письмо является наиболее лучшей формой раскрытия жизненного пути писателя, так как автор, данного письма, излагает в переписке все мысли по поводу процессов происходящих в России, а также дома. Именно письма выдающихся людей являются истинным свидетельством эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брагинская Н. В. Мокрое слово: византийский ритор об эротическом романе. М., 2003. С. 209–211.
2. Вульф К. Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни // Неопределенность как вызов. Средства массовой информации. Антропология. Эстетика. СПб. : РГГА, 2013. С. 4–12.

3. Грякалов А. А. Василий Розанов. СПб. : Наука, 2017. 285 с.
4. Грякалов А. А. Субъект – свидетель и утверждение жизни (взгляды по А. Ф. Лосеву) // Философ и его время. К 125-летию со дня рождения А. Ф. Лосева : XVI Лосевские чтения. М. : Макс Пресс, 2019. С. 314–328.
5. Письмо и различие / Жак Деррида ; [пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина]. М. : Академический проект, 2007. 494 с.
6. Едошина И. А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы : монография / М-во образования Рос. Федерации. Рос. гос. гуманитар. ун-т. М. ; Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2002. 250 с.
7. Киреев Р. Реквием по жанру // Литературная учеба. 1985. № 6. С. 155–161.
8. Малахова А. М. Поэтика эпистолярного жанра // В творческой лаборатории Чехова. М. : Наука, 1974, С. 310–328.
9. Переписка Бориса Пастернака. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1681213584&tld=ru&lang=ru&name=perepiska-borisa-pasternaka-boris-leonidovich-pasternak.pdf> (дата обращения: 01.04.2023).
10. Розанов В. В. Полное собрание «Опавших листьев». Кн. 1. Уединенное. М. : Русский путь, 2002. 191 с.
11. Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М. : Республика, 2001. 480 с.
12. Розанов В. В. Уединенное / сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николюкина. М. : Политиздат, 1990. С. 21–86.
13. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. ; соч. : в 12 т. ; письма : в 18 т. ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; [редакционная коллегия: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1982. Т. 1. 610 с.
14. Федина Т. Ю. Ф. А. Коваленко в культурной жизни Кубани конца XIX – начала XX века : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Краснодар, 2005. 170 с.

LETTER AS A CULTURAL PHENOMENON (ON THE EXAMPLE OF CORRESPONDENCE BETWEEN ROZANOV AND STRAKHOV)

E. A. Osipova

The article reviews the concepts of writing, evidence and ethos along with understanding as basic categories in the works of V. V. Rozanov. It is in the midst of these definitions where the original life-affirming and literature-centric thought of Rozanov is formed, and where the topological construction of reasoning, summed up in the heterogeneous interaction, makes it possible to talk about the ethos of writing and the ethics of events that are relevant to our time.

V. V. Rozanov, literature, understanding, writing, evidence, experience, uncertainty, ethos, ethics of event.

Сведения об авторах

- Анфимова
Ксения Сергеевна** бакалавр кафедры государственного управления и публичной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- Базылев
Владимир Николаевич** доктор филологических наук, профессор, главный эксперт Московского исследовательского центра Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции при Правительстве г. Москвы
- Балабаева
Лариса Васильевна** старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Кировского филиала РАНХиГС
- Беляков
Максим Александрович** аспирант кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
- Бушев
Александр Борисович** доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета
- Вихрова
Ольга Юрьевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
- Вовк
Екатерина Владимировна** кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы, связей с общественностью и издательского дела Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
- Гаршин
Николай Александрович** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета
- Заец
Светлана Викторовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной политики Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова
- Зайцев
Александр Владимирович** доктор политических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, руководитель Межрегионального научно-просветительского центра им. И. А. Дедкова
- Зябликов
Алексей Вячеславович** доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, член Союза писателей РФ

Каминская Татьяна Леонидовна	доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого
Летов Олег Владимирович	кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва)
Мариева Екатерина Александровна	магистрант кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого
Осипова Елена Александровна	преподаватель Костромского политехнического колледжа, соискатель ученой степени кандидата наук
Пехова Вероника Максимовна	студентка 3 курса по специальности «Реклама и связи с общественностью» института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Рудницкая Татьяна Юрьевна	кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
Счастливецва Елена Анатольевна	доктор философских наук доцент кафедры гуманитарных наук Кировского филиала РАНХиГС
Тарковский Владимир Николаевич	кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
Третьякова Ольга Владимировна	доктор политических наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета
Харченко Наталья Петровна	кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь)
Яковлев Виталий Юрьевич	доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета

Содержание

Раздел 1. Интернет-диалог власти и общества в цифровой публичной сфере: инновационные технологии, механизмы и институты	3
ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ	
А. В. Зябликов	3
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	
В. Ю. Яковлев	9
ЦИФРОВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ И МЕДИЙНЫХ ПРОЦЕССОВ: ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2024 ГОДУ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	
Е. А. Мариева, Т. Л. Каминская	16
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА НОВЫХ МЕДИА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАПРОСТРАНСТВА	
Т. Ю. Рудницкая	22
СПЕЦИФИКА ЦИФРОВОГО ДИСКУРСА МЕЖДУ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В КОНКТЕКСТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ, ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ	
Е. А. Осипова	26
СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ЦИФРОВОМ МИРЕ	
В. Н. Тарковский	30
НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ МЕДИАСРЕДЕ	
О. В. Третьякова	35
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
А. В. Зайцев	39
Раздел 2. Социально-философские, экстралингвистические и теоретико-методологические проблемы цифровизации дискурса власти и общества	43
ЦИФРОВАЯ ЦЕНЗУРА ИЛИ СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОБЩЕСТВЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА	
В. Н. Базылев	43

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА Н. П. Харченко	50
ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАПЛАТФОРМЫ TELEGRAM В ОБЛАСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА О. Ю. Вихрова	52
ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ЕЕ ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ПРИМЕР ОТДЕЛЬНОГО ВУЗА С. В. Заец	56
ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ ВУЗА Е. В. Вовк, В. М. Пехова	59
ФЕНОМЕН КРИЗИСА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА Н. А. Гаршин	63
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА О. В. Летов	67
ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ДИАЛОГ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ Е. А. Счастливецва, Л. В. Балабаева	70
СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИИ М. А. Беляков	73
ГИПЕРТЕКСТ В РОССИЙСКОМ АКТУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ А. Б. Бушев	79
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ К. С. Анфимова	83
ПИСЬМО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕПИСКИ РОЗАНОВА И СТРАХОВА) Е. А. Осипова	85
Сведения об авторах	92

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

☉•☾
Content

Section 1. Online dialogue between authorities and society in the digital public sphere: innovative technologies, mechanisms and institutions	3
THE DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY IN THE DIGITAL PUBLIC SPHERE: THE MAIN ASPECTS OF THE STUDY A. V. Zyablikov	3
COMMUNICATION STRATEGIES OF DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND CIVIL SOCIETY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT V. Yu. Yakovlev	9
DIGITALIZATION IN THE CONTEXT OF ELECTORAL AND MEDIA PROCESSES: ELECTIONS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2024 IN THE NOVGOROD REGION E. A. Marieva, T. L. Kaminskaya	16
FORMATION OF THE CONCEPT OF NEW MEDIA IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE MEDIA SPACE T. Yu. Rudnitskaya	22
SPECIFICITY OF DIGITAL DISCOURSE BETWEEN GOVERNMENT BODIES AND RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF SOCIALIZATION, UPBRINGING AND EDUCATION E. A. Osipova	26
SOCIAL ANTHROPOLOGY IN THE DIGITAL WORLD V. N. Tarkovsky	30
STATUTORY REGULATION OF GOVERNMENT-SOCIETY INTERACTION IN THE DIGITAL MEDIA ENVIRONMENT O. V. Tretyakova	35
DIGITAL TECHNOLOGIES AND PROSPECTS FOR INSTITUTIONALIZATION OF INTERNET DIALOGUE BETWEEN AUTHORITIES AND SOCIETY: CONDITIONS AND PROSPECTS A. V. Zaitsev	39
Section 2. Socio-philosophical, extralinguistic and theoretical-methodological problems of digitalization of the discourse of power and society	43
DIGITAL CENSORSHIP OR FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE: PUBLIC ALTERNATIVE V. N. Bazylev	43

FEATURES OF IMPLEMENTING AUGMENTED REALITY IN THE LIFE ACTIVITIES OF MODERN SOCIETY N. P. Kharchenko	50
POTENTIAL OF THE TELEGRAM SOFTWARE IN THE FIELD OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS FROM TAJIKISTAN O. Yu. Vikhrova	52
DIGITAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: IT'S MAIN ELEMENTS AND AN EXAMPLE OF A SEPARATE UNIVERSITY S. V. Zaets	56
FORMATION OF DIGITAL CULTURE AMONG UNIVERSITY STUDENTS E. V. Vovk, V. M. Pekhova	59
THE PHENOMENON OF CRISIS IN THE CONTEXT OF THE IFROVIZATION OF SOCIAL SPACE N. A. Garshin	63
PHILOSOPHY OF SCIENCE IN THE CONDITIONS OF MODERN INFORMATION SOCIETY O. V. Letov	67
THE HISTORY OF THE RUSSIAN REVOLUTION: A DIALOGUE BETWEEN THE GOVERNMENT AND SOCIO-POLITICAL PARTIES E. A. Schastlivtseva, L. V. Balabaeva	70
MEANS AND METHODS OF FORMALIZATION OF REFLECTION M. A. Belyakov	73
HYPertext IN RUSSIAN CONTEMPORARY ART A. B. Bouchev	79
POLITICAL FEEDBACK AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY K. S. Anfimova	84
LETTER AS A CULTURAL PHENOMENON (ON THE EXAMPLE OF CORRESPONDENCE BETWEEN ROZANOV AND STRAKHOV) E. A. Osipova	85
Information about the authors	92

Научное издание

**Кострома
Genius Loci**

Альманах

Выпуск 7

Составитель и ответственный редактор:
З а й ц е в Александр Владимирович

Компьютерная верстка Н. И. Поповой

16+

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Мб RAM;
свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше;
Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 20.11.2022. 1 МБ. [Печ. л. 6,125].
Заказ 165. Электронное издание. Тираж 300.

156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11
Тел.: 63-49-00
E-mail: cultural@kstu.edu.ru

Отпечатано ИПО КГУ.
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11
Тел.: 63-49-00, доп. 3110. E-mail: ipo@ksu.edu.ru

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание